

Illusion

Igor Grygorian

Игорь Григорьян

Иллюзия

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Григорьян И.

Иллюзия / И. Григорьян — «ЛитРес: Самиздат», 2016

... - Это совсем не просто. Контролировать свои мысли – самая тяжелая работа из всех, известных мне, - дракон на мгновение замолчал, - наверное, поэтому, люди и избегают ее, как огня. - Почему это так тяжело? - Потому что контролируя свои мысли, ты контролируешь самую что ни на есть настоящую и действительную реальность. Поэтому это так тяжело. - Но выкопать яму в заледеневшей земле, наверное, не легче? - Вся остальная работа, кроме контроля и управления своими мыслями, не идет в счет. Копание ямы, например, хоть с первого взгляда и может показаться тяжелым физическим процессом, но по своей сути не изменяет ничего во Вселенной. Выкопав яму, ты изменяешь лишь кажущееся тебе реальным Пространство. Ты заменяешь одну невесомую и ничего не значащую иллюзию существования Пространства без ямы на другую иллюзию, но уже с ямой. А в настоящей Вселенной так ничего и не поменялось. И количество земли осталось прежним. Поэтому выкопав яму, ты можешь разве что утомить свое тело. Утомить одну выдумку тем, что якобы изменяешь другую. Ведь и тело, ограниченное кожей - такая же иллюзия, как и все остальное Пространство, ограниченное Сознанием. Вот так и выходит, что если уж что-то и изменять, то только мысли. Со всем остальным они справятся сами, без участия твоего физического тела. И с ямой в том числе. Всегда найдется тот, кто предпочтет копать, а не думать. - Поэтому и говорят, что мысли материальны? - Почему так говорят, я не знаю, - Артак усмехнулся, - но именно мысли и материальны. Остальная материя – миф. - Но ведь если задуматься... - я встал, почему-то схватился за голову и прошел пару шагов вперед, - но ведь если задуматься, исходя из того что ты сказал, то нет ничего, кроме меня самого? – я остановился и уставился в пустоту, не зная где находится мой собеседник. - Нет, конечно нет. И более того - никогда и не было, - голос, казалось, был доволен моим выводом, - и никогда уже и не будет, - после небольшой паузы добавил он, - а если точнее, то и никогда нет. Ведь правильно говорить можно только в настоящем времени. Это твой Мир. Твой и каждого кто в нем. - И ударив бездомного пса... - Ты наносишь удар в самое свое сердце, - голос говорил

как никогда серьезно. - И помогая незнакомцу на дороге... - Ты протягиваешь эту руку себе самому, через все существующее в человеческом понимании Пространство и Время, - он повторил слова, видимо, показавшиеся ему важными, - ведь никого, кроме тебя нет и никогда не было. И никогда не будет, - Артак опять усмехнулся и замолчал...

© Григорьян И., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

1

Я зашел в зоопарк не потому что люблю животных в клетках. Просто он был мне по пути и, вместо того чтобы сесть в такси и отправиться домой, немного поколебавшись, а стоит ли, я купил входной билет и направился к воротам.

Большая белая акула подплыла к входу и внимательно посмотрела на меня. Ее глаза были черные и блестящие, будто вскрытые лаком. Больше всего они напоминали черные пуговицы на моей куртке – такие же твердые и неживые. Или черные глаза – бусинки на детском плюшевом медведе. С той лишь разницей что медведь в детстве был игрушечный, а акула сейчас что ни на есть настоящая. Факт. Она распахнула пасть и неожиданно произнесла:

– Добро пожаловать в зоопарк. И, хотя, лично я, например, с большим удовольствием вас бы съела, но не голодна. Завтракала.

Черные бусинки при этом отсвечивали глянцевым лаком.

– Благодарю вас, – вежливо ответил я, и повернувшись боком протиснулся в калитку.

– Знаете, а билет можно было и не покупать, – акула двигалась рядом, то заплывая вперед, то возвращаясь в мою акваторию, – ведь контроллеров на входе нет. Их здесь никогда и не было, а турникет поставили специально для сомневающихся в своем праве заглянуть сюда. Знаете, есть такие люди, которым обязательно надо купить билет чтобы куда-нибудь зайти, – она посмотрела на меня оценивающе, будто хотела понять не отношусь ли я к таким, – они думают что без билета их не пустят.

Глаза, не мигая, смотрели прямо на меня.

– Вы можете вернуть его в кассу, – добавила она, кивая на кусок раскрашенного картона в моей руке.

Билет был ярким с гармонично подобранными красками и мне не хотелось с ним расставаться. И да, в чем-то она была права – он как бы давал мне официальное разрешение пройти внутрь, хотя никто у меня это разрешение не спрашивал. Есть у меня билет или нет – интересовало только меня.

В это же время сам Билет скривился в моей руке, что должно было означать ужас при мысли о том что его вернут в кассу и плотно обхватив мой палец колючим картоном, бурным смещением красок на своей поверхности изобразил свое негодование по этому поводу.

– Мы, Билеты, рождаемся на свет когда нас покупают и умираем сразу же, как только нас выкидывают или возвращают. Я не хочу умирать в младенчестве, – судя по всему Билет был настроен весьма решительно, – не возвращайте меня!

Акула молча наблюдала за мной в ожидании ответа.

– Благодарю вас за совет, однако если до вашего появления я сомневался, стоит ли вообще заходить сюда, знаете ли, не люблю животных в клетках, то сейчас точно предпочту оставить его на память, – я поспешно засунул тут же успокоившийся билет в карман. Он сразу отпустил мой палец и, как мне показалось, даже удовлетворенно крякнул из своего убежища.

– Важно только то, что помнится и без напоминаний, – акула посмотрела на меня многозначительно, как бы сомневаясь, а стоит ли вообще продолжать разговор, и добавила:

– Только оно и существует.

Втроем мы проследовали на территорию зоопарка и калитка тут же захлопнулась за нами, словно отсекая возможные пути к отступлению. Спустя какое-то мгновение сама калитка вместе с прикрепленными к ней воротами и забором, растворились в воздухе, и я с ужасом, смешанным с изрядной долей любопытства, обнаружил что вокруг нас остался только один зоопарк. Исчезло все что им не было – дорога, на которой стояли такси, в любой момент готовые отвезти меня домой, здание касс, где я покупал входной билет, и даже массивные скульптуры животных при входе, около которых я так любил фотографироваться маленьким. Все это растаяло, растворилось в окружающем нас Пространстве. Вокруг нас осталось лишь несколько

тропинок, ярко освещенных солнцем, звенящий воздух и мое исполинское любопытство, разбавленное каким-то детским восхищением. Детским – потому что только в детстве чувство восхищения может быть вызвано исключительно волшебством.

– До обеда еще достаточно времени чтобы посмотреть экспозицию, – акула изо всех сил пыталась быть вежливой и обходительной.

– А что у вас на обед? – поинтересовался я, будто невзначай.

– Вы, – просто и без обиняков ответила она, и глаза ее при этом подернулись красным лаком, – но до обеда вы все же могли бы посмотреть других животных. Если, конечно, это именно то, зачем вы здесь. И кстати, в нашем зоопарке ни одно животное не находится в клетке, – на всякий случай добавила акула.

– Может лучше сходить в ресторан? Или в любое другое заведение общественного питания? Поймите меня правильно, я не то чтобы против присутствовать на вашем обеде в качестве одной из закусок, даже сочту это за честь, но, – на этих словах я распахнул куртку и продемонстрировал акуле свое, достаточно щуплое тело, – боюсь, разочарую ваши вкусовые рецепторы, да и в пересчете на живой вес меня не так уж и много.

– Что вы, что вы! Никаких закусок! Только основные блюда! – акула всплеснула плавниками, – И никакого живого веса! На обед будет подан лишь давно мертвый вес, я бы даже сказала – мертвый груз! Вам будет комфортно. Еще благодарить будете! – она смотрела на меня в ожидании решения.

– Ну раз так, позвольте сопровождать вас в пути. Нечасто встретишь столь любезную акулу. Я бы даже сказал – никогда.

– А вы не задумывались, что «никогда», это тоже самое что «всегда», только наоборот? И что «не делать никогда» равно «делать всегда»? «Не» и «ни» – сокращаются, ибо отрицают друг друга, – она смотрела на меня и ждала ответа.

– Вы совершенно правы. Всегда приятно поговорить со знающей акулой.

С этими словами, одной рукой я достал зонтик и открыл его над головой, будто защищаясь от воображаемого дождя или солнца, а другую руку, согнув в локте, предложил своей собеседнице. Зонт был большой, синий в крупный красный горох, с деревянной ручкой натурального цвета в виде головы с туловищем дракона. Тело дракона, уходящее к спицам зонта, вскрытое лаком, бликовало в солнечном свете, создавая иллюзию движения. Его воображаемая чешуя, выполненная искусным мастером, переливалась красным и зеленым цветами и, казалось, он просто остолбенел по какому то волшебству, будто в момент взлета, кто-то, очень знающий и важный, махнув волшебной палочкой, остановил мгновение. А может быть не только мгновение, но и время целиком.

Время состоит из мгновений, как пустыня из песка. И мы не в состоянии даже измерить эти мгновения, не говоря уже о том, чтобы остановить и рассмотреть повнимательней. Будто этот кто-то, этот знающий и важный субъект, специально заморозил временной миг, достав и приблизив к нашим глазам всего лишь одну песчинку с бескрайней пустыни Времени, давая всем нам возможность насладиться моментом взлета.

– Какой интересный зонтик, – акула внимательно посмотрела на ручку зонта, потом на мою, сложенную в ломаную линию руку, и проигнорировав предложение соединить наши верхние конечности, перебирая плавниками, продолжила, – он будет мне к лицу, как вы находите?

– Вам очень пойдет красный горох на синем фоне, – я вежливо согласился и посмотрел в небо, словно ожидая увидеть там нечто необыкновенное.

Первые, крупные капли дождя совпали по времени с окончанием моей фразы. Спустя секунду дождь уже лил в полную силу, отскакивая от упругого светло-серого тела хищницы со звуком, напоминающим стук капель по жестяному карнизу.

Места под зонтом хватило как раз для нас двоих – столь различных биологически, но с одним, общим желанием укрыться от воды. Хотя лично мне было не совсем понятно как вода могла навредить или помешать, пусть не совсем обыкновенной, но все-таки рыбе. Может потому что дождь был пресный, а акулы, насколько мне известно предпочитают морскую воду?

– Не все, – произнесла моя спутница и улыбнулась.

– Что не все? – я переспросил, не понимая, о чем одет речь.

– Не все акулы предпочитают пресную воду, – она продолжала улыбаться, – например, бычьи акулы могут подниматься по рекам вверх от океанов и морей более чем на двести километров, – акула выразительно посмотрела на меня, – более того, они способны жить даже в озерах, если необходимо.

– И в зоопарках, – я попытался вежливо пошутить, сменив тему. Наверняка, задумавшись, и сам того не замечая, я произнес вслух свои последние мысли. Иначе, откуда акуле знать о чем я думал?

Дождь усиливался с каждым мгновением, и даже тогда, когда, казалось, усиливаться уже некуда, он находил в себе резервы. Первым не выдержал зонт. Вода стекала с него сплошным, бурлящим потоком, стараясь отодрать с болоньевой ткани краску. Сначала поплыл красный горох. Синий фон на куполе зонта держался немного дольше, но и он, не совладав с мощным потоком, рваными цветными пятнами стекал на меня, на акулу и на тропинку, которая вела вглубь зоопарка.

Меньше чем через минуту, вода, вымыв всю краску с еще недавно цветного купола зонта, уже чистая и прозрачная, сплошной стеной отгораживала меня и акулу от остального мира. Как будто ничего и никого кроме нас и не существовало. Только я, она и Билет. Но сам Билет в зоопарк в моем кармане вел себя тихо, так что я почти забыл о его существовании.

– А как вас зовут? – спросил я акулу, не исключая возможности что и она вот-вот может раствориться в бурлящем водяном потоке.

– Агафья Тихоновна. Или баба Глаша, – склонив голову, добавила акула немного подумав, – у меня ведь уже внуки.

– Очень приятно познакомиться.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, и я, сложив зонт, теперь уже бесцветный и полностью прозрачный, вручил его Агафье Тихоновне.

Вода потихоньку уходила в землю и окружающий нас Мир проявлялся полным спектром густых и насыщенных красок. Солнце, находясь в зените, как бы качнувшись, перевалило через полдень. Время близилось к обеду.

Агафья Тихоновна элегантно протянула плавник, приняла зонт и внимательно на него посмотрела.

– Странно как-то, – ее глаза подернуло поволокой, от чего они стали не то чтобы более живые, но менее мертвые точно, – а краски где? Красные круги на синем фоне?

– Дождь смыл, – ответил я, и немного помолчав, добавил, – и краска ушла в землю.

– Нет! Ну как же так! Вы видели и молчали! Надо было бить в набат! Нет! Нет! Краска не могла уйти глубоко! – Агафья Тихоновна плавала в воздухе у самой земли, словно надеясь найти остатки красных кругов и глубокого синего фона, – ведь дождь прошел быстро и цвета должны быть еще на поверхности!

Продолжая что-то бормотать она ковыряла землю деревянной ручкой зонта, заглядывая под каждый ком. Не знаю, нравилось ли это дракону, удобно расположившемуся на ручке, но оказавшись в непосредственной близости от земли, его желтые глаза с вертикальным зрачком хищно осматривали каждую травинку. Деревянный рот быстро втягивал красный и синий

цвета, если они оказывались рядом, а зонт, как по волшебству, терял прозрачность и возвращал себе свой прежний окрас.

– Иначе зачем мне зонт, – Агафья собрала остатки краски и поплыла по воздуху, держа зонт одним из плавников, а дракон при этом удовлетворенно прикрыл глаза, – красный горох на синем фоне – именно то что нужно к обеду. Вы с такой раскраской очень кстати!

Солнце, как ни в чем не бывало, освещало тропинку, показавшееся за поворотом небольшое озеро, и мирно плывущую огромную белую акулу. Гибким телом она рассекала воздух, словно воду, в нескольких дециметрах от земли, земля же, наполняясь солнечным светом и незамедлительно реагируя на него, дышала паром настолько интенсивно, что кое-где уже проглядывали сухие места. Клетки для животных по бокам тропинки, мимо которых мы шли, сияли чистотой и пустотой. Они создавали впечатление явно незаселенных помещений. Похоже, животные, как и говорила Агафья Тихоновна, здесь содержались где-то в другом месте.

На обед что ли все ушли, уже немного нервничая подумал я, но продолжал идти за хищницей, словно не происходило ничего необычного и все было в порядке вещей.

В конце тропинки возвышалось большое здание со стеклянной крышей – куполом. Птичник – подумал я прежде чем прочитал надпись над дверью.

– Столовая, – Агафья Тихоновна, будто читала мои мысли, поправила меня и немного замешкалась перед входом, запертом на большой висячий замок, – сейчас попробуем открыть.

Голова дракона идеально вошла в отверстие для ключа, и замок, щелкнув чем-то внутри, распался на две части, упав на бетонный порог. Агафья смахнула его хвостом со ступенек и обернулась, пристально взглянув мне в глаза.

– Ключ подошел. Значит это действительно вы.

Она держала зонт за кончик, противоположный ручке и, указывая им на лежащий на земле, рядом со ступеньками, замок, почти коснулась его деревянной пастью дракона. Дракон, в свою очередь, тут же ожил, и шумно набрав воздух, выдохнул столбом пламени. Замок, хоть и металлический, вспыхнул как порох. Спустя одно или два мгновения от него осталась лишь горстка пепла, а третье мгновение растворило ее в мокрой земле.

– Замки всенепременно надо уничтожать. Как только замок открыт, он должен быть уничтожен. Иначе он запрет ваши мысли с другой стороны и вы потеряете память, – Агафья Тихоновна была в отличном настроении, и с тех пор как зонт подошел к замку, не переставала напевать себе под нос что-то веселое. Вполне может быть что это была какая-то детская песенка.

С ярким сине-красным зонтом она, и правда, смотрелась ослепительно.

Помещение, куда мы вошли более всего напоминало арену цирка, но без зрительного зала. Оно было круглым и белым. Высокие стены и стеклянный купольный потолок, через который проходило достаточно солнечного света, создавали впечатление башни. Окон не было, но света было достаточно и так.

– Проходите сюда, присаживайтесь. Надеюсь, вы не будете против, если мы отобедаем вдвоем, так сказать, без лишних глаз, – зонт занял свое место в сушилке при входе, и Агафья проплыла в обеденный зал.

– А мне не на кухню? Или вы предпочитаете сырое мясо? Кхе-кхе, – немного нервничая я попытался пошутить, но слова вышли какими-то скомканными и мне пришлось прочистить горло.

– Никогда не шутите с едой, – Агафья Тихоновна обернулась и жестом плавника пригласила меня следовать за ней, – еда может обидеться и пропасть. А пропавшая еда – уже совсем не то. Или уйти. И тогда придется ждать другого случая.

И действительно, отметил про себя я, акула говорила со мной только серьезно. Без всяких шуточек. Значит я мог обидеться, пропасть, уйти и стать совсем не тем. Что ж, приятно, когда у тебя есть выбор.

– Я вегетарианка, если вас это интересует, – она остановилась около небольшого обеденного стола, расположенного в центре, из сервировки на котором были только белоснежные салфетки, и добавила, отодвигая стул:

– А когда вы спрашивали про обеденное меню, я ответила образно. К тому же тогда я еще не была уверена что это именно вы. А то мало ли кто сюда забредет. Всякое бывало. Наличие у вас в кармане Билета еще ни о чем не говорит. А вот то, что на вашей стороне дракон – говорит о многом. Однако, об этом позже.

Я медленно обошел круглую комнату, продвигаясь от двери по периметру, вдоль стены, особо не торопясь, приблизился к обеденному столу, и хотя ответ акулы меня удовлетворил и успокоил, чувство тревоги еще окончательно не рассеялось. Металлический привкус во рту, наверняка, был следствием страха, смешанного с любопытством. Но вполне может быть что я отчаянно смелый человек с железодефицитной анемией.

Уверенность пришла, как говорится, откуда не ждали. Обойдя помещение и вернувшись к двери, куда мы некоторое время назад вошли, я заметил что дракон, украшавший собой ручку зонта, стоящего в сушке у входа, подмигнув мне желтым глазом, отделился от железной спицы, на которую был насажен, и, сделав круг под потолком-куполом, немного увеличившись в размерах, слетел вниз и удобно расположился на моей шее вместо кашне, не принося ни малейшего дискомфорта. Огнедышащая пасть была готова извергать пламя, а желтый глаз внимательно следил за Агафьей Тихоновной. Зрачки пульсировали в ритме бьющегося деревянного сердца (деревянного ли?), и моя шея, укутанная мягкой и теплой древесной чешуей была под надежной защитой. Эти метаморфозы не удивили мою спутницу, скорее, она ожидала нечто подобное. Или даже знала что именно так и случится.

– К сожалению, повара у нас тоже нет. Как нет контроллеров на входе. Если человек знает дорогу или его путь проходит мимо нас – он всегда может зайти сюда совершенно бесплатно, но готовить еду придется самому, – Агафья Тихоновна продолжала, – правда кухни у нас тоже нет. Готовить можно везде. И даже нужно. Для этого нет необходимости в специальных приспособлениях, таких как плита или духовой шкаф. Хотя, мы иногда используем миксер и блендер, но лишь для того чтобы смешать несовместимое и измельчить кажущиеся нам неделимыми продукты. А сам процесс приготовления и поглощения пищи безотходный и достаточно приятный, если, конечно, вы обладатель хорошего вкуса. Вот вы обладатель хорошего вкуса?

– Я... Я не знаю...

– И правильно. Это, скорее вопрос к тому кто может оценить этот самый вкус. Вопрос к эксперту.

Агафья Тихоновна присела на край массивного дубового стула, и пошевелила жабрами:

– Трудно, знаете ли, дышать на воздухе, – она немного придвинулась к столу и, вынюхивая что-то на скатерти, неожиданно процитировала Пушкина:

– Уж стол накрыт, давно пора;

Хозяйка ждет нетерпеливо.

Все еще продолжая осматриваться, и прикидывая в уме, не спросить ли о том как ей удастся дышать воздухом, легкие ей что ли вшили вместо жабр, я вплотную подошел к столу. Не торопясь присесть, и более того, не будучи до конца уверен в том, что мое место за столом, а не на столе, я продолжал стоять, крутя головой по сторонам и совершенно игнорируя кем-то заботливо отодвинутый стул, близнец того, на котором уже сидела моя любезная хозяйка.

Агафья Тихоновна не сводила с меня черные глаза – пуговицы и, прождав достаточное по ее разумению количество времени, уже настойчиво прикрикнула:

– Да садитесь же!

Дракон, услышав вскрик акулы, оскалился и обнажил зубы, о наличии которых я и не подозревал все то время пока он был ручкой зонта. Самые настоящие – острые и опасные драконьи зубы были скрыты за деревянными губами рептилии.

Зубы были ровные, белые и блестящие. Таким набором зубов мог гордиться любой стоматолог.

Все таки замечательная вещь – добротный импортный зонт.

Теперь я точно знаю, что лучшие зонты делают в Японии.

Мой был полностью автоматический, яркий и самодостаточный. Он вполне мог служить предметом декора. На фоне такого зонта остальные предметы одежды и интерьера терялись и при желании можно было обойтись без них.

Япония – родина драконов и зонтов.

– Благодарю вас, – я удобно уместился на деревянный стул и протянул руку к салфеткам, – вы позволите? – дождавшись разрешения хозяйки, я взял белый кусочек ткани, и аккуратно заправив его за воротничок рубашки, застыл в ожидании.

– Да, да, конечно, – чопорно произнесла акула и вдруг завопила что есть мочи, – трапеза началась!

В тот же миг стеклянный купол наполнился светом, ярким, но не слепящим, и сверху, вертикально вниз, в стол ударила радуга. Именно ударила, а не прикоснулась. Стол задрожал, но выдержал. Уже через несколько мгновений, наверное так, как при землетрясении рушатся дома, радуга рассыпалась по столу мелкими цветными фрагментами. Они извивались, словно пародируя клубок разноцветных змей, с той лишь разницей, что клубок цветного света, расположенный на столе перед нами был веселый и совсем не страшный. Еще одна огромная вертикальная солнечная радуга, заполнившая собой все пространство круглой комнаты, ударила в стол, и быстро уменьшившись до его размеров, на какое то время успокоилась, остыла. Движения света замедлялись, как будто он двигался по инерции от первого толчка, колебания затухали, и когда уже я был готов к тому что радуга растает в Пространстве, она внезапно опять начала расти ввысь. Более всего это напоминало аттракцион «Американские горки»; свет то устремлялся вверх, отражаясь от стен помещения и возвращаясь к нам, то перекручивая самого себя и сломив голову и смешав цвета бросался вниз, то змеей извивался на одном с нами уровне, как бы накапливая необходимую Энергию для того чтобы снова взметнуться к потолку.

– Вы видите? Видите? – Агафья подскочила на стуле и начала бить радугу плавниками сверху вниз, пока та не перестала кривляться и перекручиваться. Она лежала на столе, немного помятая, но яркая и цветная.

– С этими радугами вечная проблема. С тех пор как Время отпустило Свет на волю, никто не может с ними совладать.

– Время отпустило Свет на волю? – невольно повторил я, широко открыв глаза.

– Ну да, – акула кивнула, – Время отпустило, а само исчезло, исчезло, исчезло, – она повторяла одно и то же слово словно заевшая пластинка, – но вполне может быть что все совсем наоборот.

Дракон на моей шее кивнул головой в знак согласия с Агафьей Тихоновной. Он наблюдал за буйством красок положив голову мне на плечо и с его пасти капала слюна.

– Снимайте кашне, пусть поест тоже.

Агафья Тихоновна, конечно же, имела в виду дракона. Я потянул к нему руки чтобы снять его и накормить, а акула тем временем резким движением плавника, чем-то напоминающим удар в карате, оторвала кусок радуги сантиметров в 20-30 длиной и кинула к стенке, в полумрак, который тут же исчез, озаряя стену живыми и переливающимися красками.

Желтый вертикальный зрачок вопросительно уставился мне в глаза и я чуть заметно, но одобрительно кивнул. Небольшое дуновение в области шеи подсказало мне что разрешение воспринято правильно, и дракон-кашне, с открытой пастью, полетел вслед за радугой, на ходу расправляя крылья.

– Вам сколько лет? – как ни в чем не бывало, Агафья Тихоновна продолжала играть роль любезной хозяйки, но к радуге не притронулась.

– Сорок один, – ответил я, и зачем-то добавил, – было.

– Однако... И что, сорок он один год не ел? – она кивнула в угол, где дракон, как и положено рептилии, запихивал передними лапами остатки радуги себе в пасть.

– Ну я же не знал что он голоден, и вообще, я не представлял что зонты тоже едят.

– Едят, едят, – Агафья на секунду замолчала, как бы подбирая слова и продолжила:

– Едят и еще как. И не только зонты. И рубашки, и куртки, телефоны и кондиционеры, компьютеры и картины, подушки и пледы, телевизоры и упаковки от них. Все едят. Правда едят кто что. Кто – ваше время, и надо отметить, что это самые опасные предметы, хотя именно они и всегда в проигрыше, ибо, в конце концов, Время пожирает всех и вся. И их самих в том числе. Кто-то ест ваше внимание, вашу увлеченность, вашу уверенность. Эти немного дружелюбнее, но тоже не лыком шиты. А кто-то питается вашими мыслями, сжирает намерения и мечты, – Агафья Тихоновна глубоко вздохнула но продолжала перечислять, – кто-то может насытиться только вдохновением и любовью, а кто-то – простыми красками – вот они-то, впоследствии, и становятся вашими друзьями, так как помогают увидеть Мир без подсветки, а самое главное – без подцветки, то есть таким какой он есть. Не мне вам объяснять, – Агафья приблизилась ко мне и продолжила уже шепотом, тыкаясь влажным и острым носом мне в ухо, – что цветов в природе нет, это просто способ вашего мозга воспринимать Мир. Так что поедающий краски в сущности питается НИЧЕМ, кроме вашего восприятия. Ну или воображения, если хотите.

– И он друг?

– Да. И к тому же единственный. Из пожирающих.

– А есть и другие?

– Есть, – акула продолжала шептать мне на ухо, – конечно есть. Если не есть, то долго не протянешь.

Агафья Тихоновна, не переставая говорить, придвинулась ко мне еще ближе, практически вплотную, и стала разглаживать своими плавниками складки коричневой ткани, из которой была сделана моя рубашка. Коричневый цвет, словно живой, собирался в более темные пятна, оставляя ткань блеклой, и потихоньку вся краска сконцентрировалась в одном месте, где то в районе моей груди. Бронзово-шоколадное пятно неторопливо перемещалось по рубашке и, словно вскипая, пузырилось и всхлипывало.

Ловко орудуя передними плавниками и тремя рядами белоснежных зубов, Агафья Тихоновна проглотила концентрированный цвет, аккуратно, чтобы не повредить ткань, откусывая его кусочек за кусочком. Возможно, и даже наверняка, это был ее способ показать мне свое дружелюбие. Ведь, по ее трактовке, она ела Ничто. Ничто, кроме моего восприятия. Агафья Тихоновна, кусочек за кусочком, откусывала от способа моего мозга воспринимать Мир. А значит, приближала меня к какому-то новому, другому восприятию.

Дракон, также закончив пиршество, тихо вернулся к столу и устроился у меня в ногах, ласково поглядывая снизу вверх. Он был сыт, и казалось, его зрачки приобрели мирную округлую, черепашую форму. Глаза при этом потеряли хищный абрис и взглядом он напоминал

скорее кошку, чем рептилию. Наверняка, тот кто отведал радугу, более не в состоянии быть злым или страшным.

– Можно и мне кусочек? – возможность попробовать на вкус радугу восхищала и забавляла одновременно.

– Можно, – белая акула улыбалась во все три ряда алебастровых треугольных зубов, – и даже нужно. Только хватайте быстрее, не раздумывая ни секунды, а то не успеете, ибо одна только мысль может угнаться за светом. Ах, если бы Время держало свет в узде! Насколько было бы проще питаться.

Я клал кусочки радуги в рот, закидывая по два куса за раз, но краски проваливались мимо меня, мимо моего тела, не насыщая и не питая. Они растекались по полу кругами, и дракон, благодарно оскалившись, доедал упавшее. Его тело светилось изнутри и стало напоминать поезд метро, полный людей в разноцветных светящихся одеждах. А может быть электричку. Хотя вполне может быть что и скорый поезд дальнего следования.

Солнечный свет потихоньку, сам в себе, растворял радугу лежащую на столе. От нее практически ничего не осталось, лишь рваные разноцветные фрагменты, когда Агафья Тихоновна, справившись с коричневой окраской моей рубашки, с грохотом откинулась на массивную дубовую спинку стула и произнесла:

– Спасибо, сыта... Коричневый, знаете ли, быстро насыщает, – она немного отодвинулась от стола, и поглаживая белый, как снег, живот, произнесла, – но время подавать первое блюдо.

Одновременно с ее словами на столе, прямо из остатков радуги, из цветного и яркого Пространства материализовалась большая тарелка с аппетитным, хорошо прожаренным свиным стейком на косточке. Гарнира не было. Одно только исходящее соком мясо. Толстый румяный кусок жирной жареной свинины.

– Самое время для нее, – Агафья удовлетворенно прищурила глаза и вдруг, что было акульих сил, закричала, обращаясь к дракону, который сыто, и как мне казалось, немного лениво лежал у меня в ногах:

– Свинья в опасности! Свинья в опасности! Празднуем! Празднуем! Дождались! – акула вскочила из-за стола и стала расхаживать взад–перед по комнате, опираясь только на хвост. Им же она отталкивалась от пола и ее движение в Пространстве скорее представляло собой серию маленьких, слившихся в непрерывную ходьбу прыжков. Агафья рассуждала вслух:

– Как говорит нам старая восточная мудрость – «Встретил отца и мать – убей их». Что уж говорить о свинье! Свинья всенепременно должна быть убита! У каждого есть своя свинья которую не только нужно, но и должно зарезать, – Агафья Тихоновна подмигнула мне черным лакированным глазом и важно, подняв передний плавник вверх (в этот момент на ее остром носу появились очки с бифокальными линзами и она стала напоминать мою первую школьную учительницу), произнесла:

– Конечно, эту пословицу не нужно воспринимать буквально. Вы как думаете?

– Конечно, как вам будет угодно. Но все же я не совсем понимаю. Если не сказать – совсем не понимаю.

– Не совсем понимаете или совсем не понимаете? – она внимательно посмотрела на меня, при этом смешно сморщив свой кожаный нос, – это совершенно разные вещи и нам никак нельзя их перепутать местами. А может быть, вы просто отказываетесь понимать со всеми? Хотите понимать один?

– Почти не понимаю, – я окончательно запутался.

– Ах, все очень просто. И, конечно же, вы понимаете. Это место только для тех, кто понимает. Вас бы здесь не было, если бы вы не понимали. Да и ключ бы не подошел. Вход

непонимающим сюда закрыт. Вообще закрыт. Навсегда. Навеки. На все времена, – она перестала морщить нос и коротко подытожила:

– Здесь только те, кто понимают.

Агафья Тихоновна взмахнула плавником и в одно мгновение стены превратились в бесконечные стеллажи с книгами.

– Вот ваши родители. Мы не говорим про тело. Мы говорим о духовных родителях. Тело – как соединение хромосом, а осязаемая вашим Разумом частичка Сознания – как воплощение полученной в течение жизни информации. Не только вашей жизни, – Агафья Тихоновна опять села за стол и сняла очки, которые тут же растворились в пространстве, – кстати, книги, представленные в нашей библиотеке – это все те книги, которые вы уже прочитали. Узнаете? Каждую из этих книг вы держали в руках, а с многими из них даже прятались под одеялом с фонариком, когда отец, мать или бабушка запрещали читать ночью, – акула придвинулась к столу и оперлась на него своими плавниками, – у вас есть бабушка?

– Да, есть. Конечно, есть, – я был сбит с толку и даже не пытался это скрывать.

– Вот и хорошо. Бабушки вносят очень большой вклад в воспитание детей, вы со мной согласны?

– Думаю, да. Бабушку тоже надо убить?

– Всенепременно и обязательно! Убить! Безжалостно и безразлично! Обязательно убить! Но что-то мы отвлеклись, – Агафья Тихоновна покрутила головой вокруг, и будто вспомнив о чем мы говорили, продолжила:

– Эти книги и есть ваши духовные родители. Это они формировали ваше Сознание на протяжении всей вашей жизни. Вам придется попрощаться с ними, поблагодарить их за все и уничтожить, уничтожить, конечно, внутри себя, и только в том случае, если у вас есть желание попробовать следующее блюдо, – акула говорила все более непонятно, но где-то в глубине самого себя я чувствовал, что понимаю смысл сказанного. Агафья Тихоновна утвердительно кивнула головой, – убить свой опыт и все полученные знания и навыки. Ведь только после этого можно начать писать собственную книгу. Свою собственную историю. Она-то и будет Началом.

– Собственную?

– Да, да, да, да, – она продолжала кивать, – собственную. Именно собственную. Свою. Личную. Возможно, немного субъективную, но свою персональную, родную, закадычную и задушевную. Настоящую книгу. Ах, этот Свет, такой проказник, – вдруг ни к тому ни к сему сказала она, – он заставляет нас верить в иллюзии, – да вы ешьте, ешьте, – акула плавником придвинула ко мне тарелку со стейком, – кстати, а я упоминала что повара у нас нет? – Агафья Тихоновна исподтишка наблюдала за мной и, казалось, не ждала ответа на свой вопрос.

Воспользовавшись ножом, я положил кусок мяса в рот и начал жевать. Мясо было пресным, сухим и совершенно не соответствовало своему внешнему виду. Складывалось впечатление что я ем бумагу, искусно выкрашенную талантливым художником-натюрмортистом. Однако, надо признать, что в этот момент вкус меня волновал в самую последнюю очередь.

– Убей свинью! Убей свинью! Убей свинью! – кричала Агафья Тихоновна подбадривая и подгоняя меня, а дракон лежа на полу всем своим видом выражал свое с ней согласие.

В тот момент больше всего на свете мне захотелось принять правила пока непонятной мне игры и подхватить:

– Убей свинью! Убей свинью!...

В то время пока я ел, в комнате начало происходить нечто необычайное и не поддающееся объяснению. Книги на стеллажах, появившиеся по мановению акульего плавника, оказались не настоящими, они, словно нарисованные, растворялись сами по себе, и краски стекали по стенам разноцветными ручейками. Дракон с все большей жадностью поглядывал на них,

его зрачки вытягивались в линию, приобретая хищность, но он продолжал лежать на полу без движения. Драконий желудок был полон, а рептилиям, как известно, требуется провести определенное время в покое чтобы переварить пищу и снова стать голодными и подвижными. Да и можно было ли ему столько есть после сорока одного года вынужденной голодовки – тоже вопрос.

Агафья Тихоновна вскочила из-за стола и одним прыжком одолев расстояние до стены, быстро плавала вдоль нарисованных книжных полок, держа в плавниках различные пустые емкости, и ловко собирала в них стекающие краски. Для каждого цвета был свой сосуд.

– Не только свой сосуд, – обернувшись, она будто ответила на мои мысли, ибо вслух я ничего не произнес, – но и свое Время и свое предназначение. Да вы ешьте, ешьте.

– Аппетитно выглядит, но совершенно невозможно прожевать! – я старался отрезать куски как можно больше чтобы быстрее покончить с кушаньем, а размер куска мяса, сначала радовавший меня, теперь лишь огорчал, и даже немного пугал.

Агафья Тихоновна швырнула, как мне сначала показалось, в меня, но на самом деле – на стол, книгу Сенеки, как ни странно, не нарисованную, а вполне реальную, которую она вырвала с одной, еще не растворившейся полки и крикнула:

– Закусите вот этим. Или запейте. Быстрее, быстрее, пока краски не застыли, – она продолжала метаться, собирая цвета и объясняла на ходу, – если краски застынут, их потом не отскрести никаким растворителем. Ничто на свете не может отодрать застывшую краску. Ничто и Никогда.

Взяв в руки книгу со стола, я раскрыл ее на первой попавшейся странице.

«Всякое искусство есть подражание Природе».

Слова сначала выделились жирным шрифтом, потом отделились от страницы и, повисев немного в воздухе, с шумом сливающейся воды рухнули в стакан, который появился в лапах в один миг вскочившего с пола дракона. Жидкость была асфальтово-серого, неаппетитного, почти черного цвета, точь в точь как шрифт из книги, но я, уже окончательно растерянный и ошалелый, стараясь не думать об этом, залпом выпил предложенное.

Вкус был замечательный. Насыщенный и глубокий. Именно то, что нужно. Последний кусок мяса, смоченный в моем горле волшебной жидкостью, с легкостью проскользнул в желудок, глотка сомкнулась, не выпуская жидкость наружу, и фраза Сенеки осталась во мне навсегда. Она стала моей собственностью.

Всякое искусство есть подражание Природе.

Смысл изречения перетекал внутри моего тела и Сознания, питая первое и раскрывая второе, пока полностью не растворился и не исчез.

Всякое искусство и есть Природа.

Желтый драконий глаз с вертикальным зрачком отражал стул, меня на нем, и немного запыхавшуюся белую акулу, по имени Агафья Тихоновна, с бутылочками, полными разноцветной краски.

2

– Вы насытились? – Агафья Тихоновна сидела напротив меня и подсчитывала количество бутылочек, – восемь с оранжевой, три с синей, пять с зеленой, две с голубой и целых 12 с красной!

– Благодарю вас, я вполне сыт, – я солгал сознательно, ведь свиной стейк, достаточно объемный и увесистый, не вызвал у меня чувства насыщения, но говорить об этом после того, как ты умял кусок мяса, размером с большой кукурузный початок, не хотелось.

Более того, наполнив до предела желудок, стейк, не оставляя свободного места ни для чего более, вызывал острое желание продолжить трапезу, но уже чем-то более питательным. Понимаю, что сложно представить что-то более питательное чем жареная свиная вырезка, но факт остается фактом. Мне просто хотелось есть. И если цель нашей встречи была совместная трапеза, то обед не удался. Я был голоден. Очень голоден.

Однако, Агафья Тихоновна была довольна результатом. С любовью перебирая разноцветные бутылочки с краской, она, проигнорировав мои рассуждения (а я был уверен что ей было доподлинно известно не только что я говорю, но и то что думаю), достала откуда-то из-за спины солнечный луч, и подсвечивая им особо темные краски, рассматривала глубокую, почти черную синеву и насыщенный багрянец красного, будто примеряя их под какое-то, одной ей известное и понятное назначение.

– Знаете почему красной краски больше всего? – Агафья Тихоновна немного замешкалась, будто размышляя, говорить или нет, и кивнула головой, видимо приняв положительное решение, – потому что красный краситель самый распространенный на земле, и наш маленький эксперимент подтвердил это на все сто процентов. Но это совсем не делает его менее значимым. Даже скорее наоборот! Красный цвет более всех остальных близок к тому, без чего мы не можем жить, он первый сосед тепла. Наверное, поэтому его количество зашкаливает – нам всегда было и будет необходимо достаточно тепла чтобы выжить. Целый двенадцать бутылочек «почти тепла», которое, несомненно, в свое время нам очень пригодится.

Агафья Тихоновна еще раз с любовью пересчитала разноцветные посудины и кивая на них, сказала, как отрезала:

– Да, вы прочитали много. Тем хуже для вас и тем сложнее вам будет, – несмотря на не совсем обнадеживающие слова, выражение акульей морды оставалось дружелюбным и приветливым, – без убийства не обойтись!

– Главное – что будет. А легко или сложно – неважно. Пока мы можем ставить глаголы в будущее время – не все потеряно, не так ли?

– Вы прямо зрите в корень, – Агафья Тихоновна подплыла ко мне вплотную, оставив бутылки с краской на столе, и тыкаясь влажным носом мне в щеку, жарко прошептала на ухо, – именно так, да, все именно так. Мы ставим Время в разные позиции, а никак не наоборот. Только Время это скрывает. Ему это невыгодно. В свое время Свет поспорил с Временем и выиграл пари. И Время было вынуждено отпустить Свет на волю. С тех пор Свет и блуждает по миру с невероятными для нас скоростями, а может и вообще без них, – Агафья Тихоновна хитро посмотрела на меня, – не замирая и не пропадая ни на минуту. Знаете почему? – акула прошептала еще тише, – потому что Свет и Время, с тех самых пор прекратили всякое общение и взаимодействие. Там где есть одно – нет места другому. Или это другое просто меняет свои качества и становится не полностью собой. Или правильнее будет сказать – полностью не собой.

– Но ведь здесь есть свет? – я смотрел на стеклянный потолок, насквозь пронизанный осколками солнца.

– Есть, конечно есть. Без него никуда. Никуда и никогда.

– А время? – я помнил слова Агафьи Тихоновны и повторил их, – там где есть одно – нет места другому.

– Вы сами выбираете что существует именно для вас, – она отвечала неохотно, как бы сомневаясь в моем праве знать, но все же отвечала, – а выбирая, помните один из непреложных законов Мироздания – Свет своим существованием отрицает наличие Времени. И в свою очередь, Время никогда не будет присутствовать там, где есть Свет! – Агафья Тихоновна подмигнула мне и поинтересовалась, – вот лично вы, например, предпочтете обойтись без Света? Или без Времени?

– Я... Я не знаю.

– Отличный ответ! И совсем не стыдный, – акула опять повеселела, – многие люди почему-то считают что не знать что-то постыдно, унизительно и даже позорно. Такие люди никогда не смогут зайти в наш зоопарк! Даже если купят тысячу билетов! – Агафья Тихоновна мелко и часто закивала, а входной Билет в кармане крикнул, наверное от удовольствия что его вспомнили, и попытался схватить меня за палец, напоминая о своем существовании.

– А в чем заключалось пари между Временем и Светом? – то что рассказывала Агафья Тихоновна было настолько интересно, что я даже забыл о чувстве голода, которое пронизывало меня насквозь.

– Свет заявил что сможет обойтись без Времени. Время же, в свою очередь, рассмеялось и обвинило Свет в популизме. Для того, чтобы Свет доказал свою независимость, необходимо я – Время, – рассуждало оно, – а значит, без меня никуда. Подумав как следует, Время объявило во всеуслышание что если Свет обойдется без него в течение какого то отрезка времени (вот где подвох) то оно, Время, навсегда перестанет контролировать Свет и отпустит его в свободное плавание, ну если можно так выразиться. Время рассчитывало на то, что Свет начнет что-то доказывать и торговаться. А он просто взял и... – тут Агафья Тихоновна, будто испугавшись чего-то, сделала страшные глаза и замолчала, но судя по всему, даже этого ей показалось мало. Она зажала пасть плавником, как бы останавливая слова, уже готовые вырваться на волю и резко отскочив от меня, вернулась на свой стул.

– Нет, нет, и не просите, я и так много наболтала. С возрастом я становлюсь несдержанная, а все – Время! – Агафья Тихоновна чуть было не заплакала, как мне показалось от бес-силія, но совлала с собой и продолжила, – итак, у нас нет только желтого и фиолетового цветов, а без них вкус может быть изменен. Да и добиться качественного перехода из цвета в свет нам не удастся, – акула прикрыла глаза и продолжила рассуждать, – ну почему вы не читали книг с желтой обложкой? И фиолетового совсем нет. Прямо ни капли, – казалось, она опять была готова разрыдаться.

– Я не выбирал книги по цвету, прошу меня великодушно извинить. Скорее по содержанию.

– Ах, какая разница. Желтый цвет или желтое содержание? Содержание тоже годится. Лишь бы цвет был подходящий.

– Может быть фильмы подойдут? Телевидение сейчас цветное, и в каждом просмотренном мной фильме много разных цветов, – улыбаясь, я утвердительно покачивал головой, как бы призывая акулу прислушаться к моему совету, – почему только книги? В фильмах тоже много информации.

– Нет, нет, – акула, как мне показалось, с испугом откинулась на спинку стула, – что вы, какие фильмы? Фильмы категорически не подходят.

– Но почему?

– Потому что читая книгу, и имея перед глазами всего несколько черных закорючек-букв, вы сами, в своем воображении, создаете целый и самодостаточный Мир, понимаете? Рабочий и действующий Мир. Вы выступаете в роли творца. Тогда как смотря фильм, вы просматриваете уже готовые картинки чужих фантазий, – Агафья Тихоновна понизила голос до шепота, – а в данном случае, – она кивнула на бутылочки с красками, – засчитываются только те знания, которые созданы лично вами.

– Но фильмы...

– Фильмы, даже документальные, показывают вам готовую картинку и вы лишь инстинктивно реагируете на нее. Бойтесь или радуетесь, любите или грустите. А книги – совсем другое. Книги заставляют творить и создавать эту картинку самостоятельно. Согласитесь, это не одно и то же.

– Разве это так важно?

– Воображение – это дорога к вселенской библиотеке, в которой есть ответ на любой вопрос. А фильмы – это уже готовые ответы людей, задумчиво бредущих из читального зала этой библиотеки, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – и это их личные ответы. Они им обязательно будут засчитаны. Вот вы, например, сняли хотя бы один фильм?

– Нет.

– Значит фильмы не подойдут. Только книги, только то, что позволяет вам творить. Только то, где именно вы – автор картинки.

– Но я же не писатель.

– Быть читателем – достаточно, – Агафья Тихоновна снова перешла на шепот, – и очень почетно. Писатель – кто? Только автор текста, можно сказать – художник, рисующий буквами, – она улыбнулась, – а то, какой фильм пройдет в голове у читателя – писателю зачастую и недоступно и непонятно. Писатель пишет книгу, дает материал, а читатель строит по этой книге Вселенные. И поверьте, – акула посмотрела мне прямо в глаза, – сколько читателей – столько и разных Вселенных. Ни одного повтора. Даже самого маленького совпадения.

– А если бы я был писателем, написавшим книгу, эта книга пошла бы мне в зачет?

– Быть писателем и быть Богом, в человеческом понимании этого слова – это одно и то же, – Агафья Тихоновна мечтательно вздохнула, – писатель отпускает своих героев, надевая их свободой воли, и достаточно часто книжные герои уже сами продолжают писать свои судьбы. Но оживают они все-таки только в руках читателя. Именно читатель, открывая книгу и отправляясь в путь, длиною в эту самую книгу, используя свое воображение, вдыхает в них жизнь. Книга – просто готовый к использованию Мир, вне Времени и вне Пространства, не более. И каждый раз, открывая книгу, читатель его оживляет.

– Мир, полностью готовый к рождению, – добавил я мечтательно, – Мир, который может родиться только в руках читателя.

– Да, да, все именно так, – Агафья Тихоновна утвердительно кивнула головой.

– Но где же мы тогда получим недостающие цвета?

Я надеюсь что мы все-таки сумеем их взять, но в каком-нибудь другом месте. Перед тем как вы отправитесь туда, куда должны и сделаете то что обязаны, я должна вас полностью подготовить. Там, куда вы отправитесь, этого не достать, если только вы не договоритесь с Временем и оно не поймает для вас пару лучей. А я даже не могу представить что должно произойти чтобы Время начало ловить Свет, который само отпустило, пусть даже и лично для вас... Хотя, с ним все-таки можно договориться имея полный комплект красок. Ну или абсолютно пустую, незанятую ничем голову. Но как мы видим, пустая голова – это не ваш случай. В вашей – вон сколько всего, – Агафья Тихоновна махнула головой в сторону бутылочек с краской, – целый колумбарий.

Я слушал Агафью Тихоновну, твердо решив ничему не удивляться и соглашаться со всем что мне будет предложено. Похоже, ни акула, ни дракон не имели ничего против меня, и все что происходило можно было воспринимать как веселый красочный сон или увлекательное, и кстати, совсем не опасное, путешествие.

Если это сон, то мне ничего и не могло угрожать, а если, все-таки, путешествие, то оставалось только пожелать себе счастливого пути и постараться не потерять таких мощных и знающих союзников, какими были мои новые знакомые. Ну а в том что они знали гораздо больше меня, сомнений не возникало. Ни капельки.

Я чувствовал себя готовым ко всему.

– Но пора и второе блюдо подавать, как вы на это смотрите? – Агафья Тихоновна кивнула на входную дверь, – вы готовы?

– Да, готов, – я кивнул и на всякий случай добавил:

– Мне же ничего не угрожает.

– Нет, конечно же нет. Никакой угрозы никогда не существовало, – акула быстро и утвердительно кивала головой, как бы противореча своим же словам, – никакой и никогда, что, конечно же, обозначает совсем обратное. Эти частички «не» или «ни», эти абсолютные отрицания только путают и перемешивают истинный смысл сказанного. Только препятствуют, мешают и становятся поперек дороги, – она подмигивала мне сразу двумя глазами.

В тот же момент дверь распахнулась и в помещение ворвался огромный петух со шпорами на лапах и ярким, густым оперением. Я не разбираюсь в породах птиц, но в том, что именно этот петух относился к боевым, сомневаться не приходилось. Кончиками перьев на крыле, точно так же, как человек держал бы что-либо руками, он держал шпагу, а другое крыло, изящно отставленное вверх и назад, завершало образ одного из королевских мушкетеров из романов Александра Дюма.

С воинственным клекотом, обращенным куда-то поверх наших голов, петух, в мгновение ока, преодолел расстояние от двери до центра комнаты, оказавшись прямо у стола, за которым мы сидели, и подобно заведенному волчку, носился вокруг последнего, однако, совершенно не замечая нас. Все его внимание было приковано к чему-то длинному и желтому, извивающемуся на куполе здания. К чему-то не замеченному нами ранее. К чему-то несомненно опасному и угрожающему.

– Змея, – промелькнуло в голове. Такая же несоразмерно огромная, как и петух, рептилия яркого лимонного цвета спускалась вертикально вниз, держась хвостом за одну из балок, поддерживающих купол. Характер ее движений не оставлял сомнений в том что она готова принять бой. Нам оставалось только надеяться на то, что мы с Агафьей Тихоновной не попадемся под горячую руку, так как размер змеи вполне позволял проглотить нас двоих одновременно. Спустившись до уровня стола, змея развернулась в мою сторону и, как мне показалось, очень внимательно посмотрела прямо на меня. Ее золотистые глаза, с четко очерченным глубоким черным зрачком, и с красными, еле заметными вкраплениями посередине, были на расстоянии вытянутой руки, а раздвоенный язык, быстро мелькавший передо моим лицом, вводил меня в оцепенение получше всякого метронома. Какое-то время змея просто рассматривала мой лоб, а точнее – точку, находящуюся где-то посередине лба, между глазами. Не исключено, что она готовилась к нападению и выбирала место, куда атаковать. Ужас пригвоздил меня к стулу и сковал лучше всяких кандалов. Лучше – значит надежнее. Я не мог пошевелить не то что рукой, но даже пальцем, а лицевые, парализованные взглядом змеи мышцы точно удерживали направление этого самого взгляда – глаза в глаза. В моем теле живыми и подвижными остались только мысли. Даже слишком живыми и подвижными. Они продолжали жить своей собственной жизнью – словно разноцветные конфетти из только что выстрелившей в голове хлопушки. Поймать и рассмотреть какую-то отдельную мысль не представлялось возможным. Взрыв. Хаос. Буря. Ураган. Впрочем, одну мне все-таки удалось схватить за хвост. Я подумал что вполне возможно, змея оценивала, гожусь ли я сам в качестве второго блюда, которое только что предлагала подать мне на обед Агафья Тихоновна. Дракон при этом шевелился и вздрагивал во сне.

Напряжение спало в один момент, как только змея отвела от меня взгляд и повернулась к Агафье Тихоновне, Спало, как будто его и не было. Руки обрели свободу движения а я сам обрел твердую уверенность в том, что все рептилии действительно обладают способностями к гипнозу. И зачем им тогда яд?

Агафья Тихоновна, не выказывая никаких эмоций по поводу наших гостей, продолжала говорить.

– Когда вы насытитесь и голод пройдет, помните – назад пути нет.

– Назад? – я с трудом сдерживался чтобы не дать деру.

– Да, назад. В голод. Наш обед особенный и раз вкусив и распробовав каждое блюдо вы сможете быть точно уверены что наелись досыта до конца ваших дней.

– А мне уж было показалось что я и есть второе блюдо, – продолжая наблюдать висящую над столом змею и бегающего вокруг петуха, все попытки которого достать шпагой огромную желтую рептилию пока что были тщетны, я совершенно интуитивно, словно ища защиты, протянул руку к дракону, который мирно спал у меня в ногах, но тот лишь пробурчал что-то во сне, не открывая глаз.

– Ваш дракон еще очень слаб, чтобы помочь сейчас, но он будет готов вовремя, не переживайте. В этом мире, как и в любом другом, содержащем Время, все происходит именно вовремя, не раньше и не позже назначенного срока, – Агафья Тихоновна не обращала ни малейшего внимания на творящийся вокруг нас Армагеддон, и ее спокойствие, каким то непостижимым образом начало передаваться мне, – ведь по другому просто не может быть. В любом Мире, где есть Время – все происходит исключительно вовремя. Не раньше и не позже срока. Это непреложный Закон. Иначе Время было бы попросту не нужно. Или его бы не было вообще.

– Пойдите, но...

– Свинина была достаточно мерзкой на вкус, не правда ли? – акула, не смущаясь перебила меня, после чего заговорщицки подмигнула и продолжила:

– Да и как может быть вкусным бумажный стейк? – она захихикала, – даже если его щедро сдобрили вкусными и ароматными цветными красками. Краски, конечно, вкусны, с этим не поспоришь, но есть их вместе с бумагой все-таки не нужно, – акула кивнула на петуха со змеей, – эти двое тоже из бумаги. Причем из промокательной бумаги. Любой дождь с легкостью их смоем или растворит. Грозно они только выглядят. Вот вы как думаете, почему вам страшно? – Агафья Тихоновна отвечала сама, не дожидаясь моего ответа:

– Этим правом – вызывать страх – вы наделили их самостоятельно. Вы и никто кроме вас. Страх существует внутри того кто боится, но как только вы позволите ему выйти наружу, он трансформируется в доблесть и отвагу. Хотя, конечно, бывали и совершенно противоположные случаи. А сохранять его внутри – не самый лучший вариант, – Агафья Тихоновна вдруг обернулась к петуху и громко крикнула:

– А ну ка цыц! Цыц, кому говорю! Бегаешь себе – ну и бегай, понимаю, без тебя совсем не то, нельзя без тебя, и ты, конечно, в полном праве отбегать свое, но делай это тише. Не ты здесь главный, – она обернулась к змее и обратившись к ней, уже немного мягче и тише, продолжила:

– И не ты.

Акула подождала некоторое время, убедившись что ее слова достигли промокательных ушей, и добавила уже совсем мягко:

– Нам очень приятно наблюдать за вами и мы совсем не собираемся куда-нибудь, например, уйти, – тут она выразительно посмотрела на меня, и выпучив глаза, энергично закивала головой, давая понять что именно это мы и собираемся сделать. Агафья Тихоновна вскочила со стула, одновременно сгребая одним из плавников все бутылочки с лежащими на столе красками, а другим схватила меня за руку и туго оттолкнувшись хвостом от пола прыгнула метров на пять в сторону стены на лету шепча мне в ухо:

– За дракона не переживайте, ему ничего не угрожает, он давным давно вне этого ужаса. Как и вне всякого другого. Он здесь неуязвим, что бы не произошло. Впрочем, он нигде не уязвим, – она наморщилась и добавила, – опять эти отрицания! Не уязвим нигде, подождите, что это может значить? – акула прикинула что-то в уме и вдруг закричала, – если ваш дракон не уязвим только Нигде, значит в любом другом месте он очень даже уязвим! – она оставила меня около стены, всунув мне в руки бутылочки с красками, и в мгновение ока вернулась

за драконом. Я не успел даже глазом моргнуть, как Агафья Тихоновна, держа дракона под плавником, оказалась рядом со мной. Она повесила его мне на шею и произнесла:

– Со словами надо поаккуратнее, – акула тяжело дышала, – бывает скажешь не подумав, и потом приходится исправлять, – Агафья Тихоновна подмигнула мне глянцевым глазом.

Стоя на безопасном расстоянии мы наблюдали за битвой двух, абсолютно не приспособленных к совместному ведению боевых действий животных. То есть, если бы они были нормальных размеров, змея смогла бы проглотить петуха и войне конец. Но они были одинаково огромны. К тому же петух был со шпагой, и иногда под ним появлялся конь, которого он прищипывал, кидаясь в атаку. Я предпочел списать это на галлюцинации, так как перестал что-либо соображать вообще.

Довольно долго они сражались не принося в общем ощутимого вреда друг другу. Кудактанье петуха было слышно, наверное, за километр. Он колотил шпагой змею, та, в свою очередь, извиваясь и уворачиваясь, шипела как сотня разъяренных питонов разом и пыталась укусить его в шею. Время от времени попытки атаковать были достаточно успешными, раны животных исходили бумажной, промокательной кровью, но быстро затягивались и видимого урона врагу все таки не приносили.

– Кровь, вы видите? Кровь! Кровь! – Агафья Тихоновна, повторяла это слово с бросающимся в глаза наслаждением, раскатисто растягивая букву Р, словно само произношение Р доставляло ей удовольствие, – красная, опять красная краска! А всему виной звезды, которые, взрываясь и распространяясь в космосе, доставили нам железо. Ведь именно оно, реагируя на кислород, покрывается ржавчиной и дает нам этот удивительный цвет! Удивительный, – она с легким недоумением посмотрела на меня, не понимая, видимо, почему я не разделяю ее восторга, – да, да, очень удивительный. Ведь красный цвет не отпускает наше внимание, принудительно возбуждая нервную систему! Ах, как все просто на Земле! Ведь, в аккурат, на планете больше всего железа и воздуха, и уже как следствие, красной краски.

Агафья Тихоновна была в прекрасном расположении духа.

Дракон, который так и не проснулся, или не захотел проснуться, в то время как акула спасала его из эпицентра боевых действий, лежал у меня на шее и даже не замечал разворачивавшейся в центре зала баталии, скорее всего он, вообще не видел насмерть бьющихся животных. То ли это было счастливой особенностью драконьего зрения – не замечать открытые проявления злобы, то ли японские зонты-драконы были абсолютно неуязвимы и вечны, но факт остается фактом – драконье дыхание было безмятежным и невозмутимым, а желтый вертикальный зрачок надежно скрыт под драконьим веком. Иногда он флегматично посапывал во сне. У меня даже мелькнула мысль, что само сражение существует только внутри моей головы, и я, будучи практически уверенным, что акула знает все мои мысли, обернулся к Агафье Тихоновне с выражением невысказанного, но четко и ясно сформулированного, правда мысленно, вопроса на лице. Акула, оценив мой взгляд, молча кивнула в сторону дерущихся, потом просто кивнула, подтвердив тем самым реальность происходящего, и продолжила с неподдельным интересом наблюдать за битвой, не выказывая более никаких эмоций, и уж тем более, ни тени беспокойства.

Итак, схватка была реальна. Петух со шпагой атаковал змею, она в свою очередь, резкими выпадами бросалась вперед, ловко уворачиваясь от стального клинка. Укусы змеи лишь раззадоривали петуха и он нападал еще азартнее. Странно, но с каждым ранением петух становился еще выше и внушительнее. Наверное, также и сильнее. Впрочем я уже перестал удивляться чему бы то ни было. Змея не отставала, и после каждого нанесенного шпагой укола тут же расширялась или удлинялась, в зависимости от того, какой из размеров надо было увеличить, для того чтобы сохранить пропорцию тела. Казалось, змея уже без труда смогла бы за один раз

проглотить стол и два стоящих рядом стула. И даже вместе с сидящими на них людьми. Ну или животными. Это уж как пойдет.

Агафья Тихоновна лениво поглядывала на дерущихся животных, опершись на стену на безопасном расстоянии и внезапно обратившись к ним, выкрикнула:

– Не надоело вам?

Две головы, как по команде повернулись к моей спутнице и застыли то ли от неожиданности, то ли от непомерной акульей наглости.

– Достаточно! – прокричала она что было сил и вдруг взметнулась к потолку. Сильный хвост мощным ударом разбил стеклянный купол. Звон тут же наполнил помещение, как жидкость наполняет сосуд. Он перемещался внутри здания, эхом отскакивая от стен. Мелкие осколки стекла, падая, вылавливали лучи яркого света, и каждый осколок, словно призма, расщеплял солнечный поток, проецируя и рвано разбрасывая полный набор цветов в самых различных, непредсказуемых направлениях. Спустя мгновение, кусочки купола разноцветным дождем рухнули на пол и разлетелись на еще более маленькие фрагменты, превратившись практически в стеклянную пыль.

Агафья Тихоновна быстро спустилась ко мне, выхватила стоявший около стены зонт (дракон, видимо исподтишка наблюдавший за всем, проснулся и внимательно наблюдал за движениями акулы), и раскрыла его над головой.

Дождь хлынул как-то сразу и наверняка. Фигуры раздувшихся до невероятных размеров животных, казавшиеся нам крепкими и сильными, тут же обмякли, начали терять форму и оседать на пол, растекаясь цветными и яркими пятнами. Исполинское зверье на проверку оказалось полым, не несущим никакого наполнения, внутри. Не несущим никакой сути. Только видимость силы, мощи и могущества. Видимость и была их наполнением. Видимость и то, что дорисовал мой мозг, автоматически наделив их качествами, им не принадлежавшими. И уже эти несуществующие качества вызывали мой страх. Все правильно, как и говорила акула, страх – продукт моего собственного мозга, не более того.

– Вот и хорошо, вот и чудесно! Вот и замечательно! – Агафья Тихоновна уже суежилась около змеи, погружающейся в лимонно-желтую, состоящую из собственного растаявшего тела лужу, собирая краску в непонятно откуда взявшиеся пустые бутылочки. Акула была в прекрасном настроении и трудилась быстро и споро. Желтый красочный цвет наполнял бутылки, он искрился и переливался, отливал чистым золотом в блистающем солнечном свете, который, без препятствия в виде стеклянного купола, был просто ослепителен. Итак, вопрос с желтым цветом был решен окончательно. Желтого должно хватить!

Через 10 минут все было кончено и место сражения лишь отдаленно напоминало о случившемся. Только стеклянная пыль как-бы подсказывала, намекала, напоминала о битве, поигрывая солнечными зайчиками.

Стоит ли говорить что преобладающим цветом в оперении петуха был фиолетовый, также с любовью собранный Агафьей Тихоновной в 9 чистых бутылочек. Желтого же насобиралось аж одиннадцать.

Дракон с моей шеи лениво, но внимательно наблюдал за происходящим, однако не подавал никаких признаков заинтересованности или любопытства.

После того как мы вновь устроились за столом, а дракон сполз вниз и удобно устроившись в моих ногах, захрапел, Агафья Тихоновна, расставив разноцветный трофей на столе, подвела итоги:

– Красной – 12, желтой – 11, фиолетовой – 9, оранжевой – 8, зеленой – 5, синей – 3 и две с голубой! – вслух считала она, – ну что ж, это очень достойный набор. Я бы даже сказала что

с таким набором вы точно нигде не пропадете! С таким ассортиментом не только можно, но и должно отправляться в путь. Ровно полсотни бутылочек отличнейшей замечательной краски!

Акула весело посмотрела на меня и ни с того ни с сего начала говорить что-то совсем непонятное:

– Все к лучшему, все к лучшему. Все что ни делается – все к лучшему! Для нас, а точнее – для вас, это значит только одно – лучшее неизбежно и никому не удастся от него скрыться. Никому, Никогда и Нигде. Нет такого места где можно скрыться от лучшего. Совсем нет. Каждый обречен на счастье. Все дороги ведут именно туда. Какая-то из дорог длиннее, какая-то короче, но направление одно, – Агафья Тихоновна заговорщицки подмигнула мне, – и в конце концов все будет так как вы хотите, стоит только набраться побольше терпения. Может и не на одну жизнь, – она на мгновение задумалась, – а знаете что такое терпение? – и не дожидаясь моего ответа, добавила:

– Терпение – это способность получить желаемое без энергетических затрат. То есть абсолютно бесплатно.

Акула подмигнула мне лакированным глазом-бусинкой и, видимо, услышав мои мысли, замолчала.

– Никто, Никогда и Нигде, – я повторил слова Агафьи Тихоновны, – не скроется от счастья. Никто, конечно, не скроется, он – Никто, но кто-то сможет скрыться? Значит ли это что скрыться может именно кто-то? Кто-то конкретный?

– Да! – акула радостно кивала головой, охотно подтверждая мои догадки, – от счастья может скрыться только кто-то. Кто-то конкретный. Кто-то важный, весомый и значительный. Кто-то телесный, плотский и материальный. Но если ты Никто, то ты автоматически обречен на счастье! Приговорен к нему!

– Пожизненно?

– Нет, – Агафья Тихоновна отрицательно замахала головой, – нет, не пожизненно. Пожизненно – это крайне мало. Пожизненно – это одиночно, разово и рвано. Я бы употребила слово «вечно», и хоть это будет не совсем верно, но по крайней мере, это хотя бы много больше любого пожизненного срока.

Агафья Тихоновна выдержала небольшую паузу, наблюдая за моей реакцией на свои слова и, в конце концов, решив что я понял не до конца, объяснила подробнее:

– Это ясно видно из слова «никогда». Никогда – это значит без привязки к Времени. Не когда-то конкретно, а никогда. Безвременно. Бессрочно. Навсегда. Навеки.

Она замолчала.

– И нигде, – как эхо добавил я, – без привязки к Пространству. Без координат. Без адреса. Всюду.

– Да. Никто, Никогда и Нигде. Что может означать – вечно, всегда и везде. Постоянно счастлив может быть только Он. Присутствующий в вас. Именно он, и только он, счастлив постоянно. Без конца, без передышки, без отдыха. Только он один. И именно он находится в каждом. Никто. Ноль. Чистый вакуум, – акула в блаженстве закрыла глаза и умолкла, оставив меня наедине со своими мыслями и догадками.

– Кто же этот Никто?

– Его можно только почувствовать, но не показать, – акула смотрела на меня улыбаясь, – только почувствовать, а почувствовав – принять. И тогда этот Никто, возможно станет всем, и даже много больше.

– Никто – это без привязки к телу?

Агафья Тихоновна кивнула и поправила:

– Без привязки к телам.

– Их много?

– Тел? – она продолжала улыбаться, – тел много. Очень много. Больше чем вы видите и даже больше чем чувствуете.

Так я и сидел, а в моих ногах, мирно посапывая во сне, лежал самый что ни на есть настоящий дракон. Однако, даже во сне, его желтый глаз, прикрытый полупрозрачной пленкой глазного века, внимательно наблюдал за происходящим. А может быть он просто видел сны. Яркие и волшебные, как краски на столе.

Сейчас мне кажется что большое количество красной краски, добытой нами с таким трудом, его радовало точно также как и Агафью Тихоновну. Впрочем, это было совсем не удивительно, ведь купол зонта, частью которого являлся и сам дракон, изначально был выкрашен в крупный красный горох.

3

Агафья Тихоновна продолжала что-то говорить о счастье и благополучии, об умении предвидеть, а значит, как она считала, и управлять, о явных и скрытых закономерностях в судьбе человека, одним словом, рассуждала на вечные и всегда интересные темы. Звук и тембр ее голоса настолько умиротворял и расслаблял, что в какой-то момент я почувствовал что засыпаю. Сон подкрадывался незаметно, на цыпочках, он обволакивал плотным облаком внутреннего зрения, отключая глаза. Голос Агафьи Тихоновны доносился издалека, иногда пробивая брешь в моей дремоте, но смысл сказанного растворялся в воздухе, уже не достигая своей цели и моих ушей. То ли во сне, то ли наяву, дракон, зевая выполз из под стола и по-собачьи сел рядом, преданно заглядывая мне в глаза. Радужная пища и крепкий долгий сон сделали свое дело. Внешне дракон заметно прибавил в размерах.

Он приблизился почти вплотную к моему лицу и замер, как это делают практически все рептилии в ожидании жертвы. Возможно, он просто смотрел. Возможно, рассматривал. Возможно, запоминал черты моего лица. А может быть это были просто драконьи правила приличия и таким образом он хотел со мной познакомиться. Дракон был абсолютно неподвижен и его желтые глаза с вертикальным зрачком так же неподвижно, не мигая, смотрели прямо на меня. Я что-то хотел произнести, и даже попытался это сделать в своих мыслях, но не смог. Мои голосовые связки не слушались команды. Вполне может быть что мне просто было нечего сказать, но я чувствовал что могу развеять гипнотичность драконьего взгляда только лишь и всего одним словом. Или даже несказанной мыслью.

– Тсссссс, – отчетливо прошипел дракон, приложив здоровенный коготь одной из лап к своей пасти, явно предупреждая о том что ничего не нужно говорить, – тсссссс...

Я кивнул, словно замороженный, и открыл глаза в тот самый момент, когда Агафья Тихоновна, видимо, покончив с глобальными вопросами счастья и процветания человечества, перешла к его изъяснам.

Наваждение пропало. Драконий хвост, выглядывая из-под стола, обвивался вокруг моих ног, а его хозяин спал как ни в чем не бывало.

– Во время вашей трапезы вы воочию познакомились с тремя самыми главными пороками человечества, так сказать, с основой основ, с фундаментом, – акула сидела, как и раньше, напротив меня, и ее острый серый нос опять украшали уже знакомые мне учительские очки.

– Свинья, с которой вы расправились первой, олицетворяет собой невежество, а попросту глупость, ибо свинья ест всё без разбору. Так и неведение или непонимание не видит разницы между благим и дурным, удачным и неудачным, мудрым или глупым. Конечно, – Агафья Тихоновна кивнула головой, – свинина – блюдо для подготовленных. Только зрелый, знающий человек может почувствовать нелепый вкус невежества. Только знающий человек может

понять и принять ограниченность своего тела, пропустить ее через себя, переварить, и наконец, покончить с собственным несовершенством, взглянув на мир восхитительно другими глазами. Только знающий человек может осознать неизбежность самовыстроения своего будущего, и как следствие, принятие полной и безоговорочной ответственности за свою судьбу. Тогда и только тогда этот знающий человек получает возможность обрести свободу. Как духовную, так и физическую. Тогда и только тогда человек становится хозяином, если хотите – владыкой собственной жизни. Только тогда он начинает ведать, что творит. И от этого становится немного свободнее. Рабу, например, совершенно не обязательно вникать в суть дела – за него отвечает хозяин. Это в полной мере относится и к божьим рабам. Ведь любому думающему человеку должно быть прежде всего непонятно почему в религиозных сообществах за свои проступки отвечают рабы самолично, а не хозяин, который, собственно, и повелевает их мыслями и делами? Это первое и очень важное логическое несоответствие, присущее любой существующей религии. Ответ есть, он примитивен и прост, но об этом позже. Итак, покончив с невежеством, человек начинает обретать свободу. А если сказать точнее, то получает возможность обрести свободу, ведь покончить с невежеством – еще далеко не все. Это только начало.

Агафья Тихоновна говорила не спеша, подбирая каждое слово, смакуя и пробуя его на вкус перед тем как сказать. Если вкус был правильным – слово произносилось и обретало свое материальное воплощение в виде вибрации. Никому не известно, сколько слов не прошли это испытание и навеки оказались похоронены в акульей пасти. Но и сказанного было вполне достаточно для того чтобы крепко задуматься. Негромкий говор, к которому надо было прислушиваться, вкрадчивые интонации, и простые, часто употребляемые слова, словно кричали об одном – информация, которую мне хотят преподнести разжеванной и разложенной на блюде, крайне важна. И мне стоит приложить максимум усилий чтобы понять и принять смысл сказанного. Ведь тихо говорят только тогда, когда хотят быть услышанными, не так ли? Вот и Агафья Тихоновна неторопливо, шаг за шагом изрекала азбучные, давно известные каждому думающему человеку истины. Однако, знать, даже четко, но где-то глубоко в подсознании – это одно, а слышать авторитетно сформулированные грамотные постулаты – совсем другое.

Акула, тем временем, продолжала:

– Петух – символизирует привязанность или страсть. Он стремится завладеть объектом или слиться с ним, ибо он владелец гарема. Но сливаясь с чем бы то ни было, мы, а точнее – вы, безболезненно, и самое главное, безбоязненно, теряете собственную сущность, примеряя на себя качества и характеристики другого объекта. Иногда эти качества затмевают нас самих, точно таким же образом, как одежда закрывает наше тело, – она вздохнула, – так легко себя потерять в множестве слияний, так легко. Я бы даже сказала, – Агафья Тихоновна подняла плавник, подчеркивая важность сказанного, – совершенно невозможно не потерять.

– Кроме того, петух способен выискать в траве самое мелкое зернышко, он точно так же как и привязанность или страсть, зорко концентрируется лишь на предмете своего влечения или вождения. Он не замечает ничего, кроме объекта своих грез. Он слеп. Точнее – ослеплен. Ослеплен собственными желаниями и собственным же влечением. Привязанность, после невежества – второй краеугольный камень человечества.

Агафья Тихоновна говорила и украдкой разглядывала меня. Надо сказать что я делал тоже самое. Ее облик потерял хищность, лицо или морда, даже не знаю как будет правильно, стало округлее, мягче, а зубастая пасть совсем утратила свою свирепость. Даже акульи глаза лишились глянца и наполнились чем-то человеческим, нелакированным, живым и глубоким. Если ранее глубины в них было не более чем на слой лака, покрывавший черную бусинку, то сейчас в ее глаза можно было погрузиться с головой. Агафья Тихоновна, видимо заметив или подслушав мои мысли, быстро договорила:

– Со змеей все просто. Змея воплощает собой гнев или злость. Она либо уползает прочь, когда к ней приближается человек, либо нападает на него. Так и гнев стремится устранить объ-

ект из поля нашего восприятия или опыта одним из двух, доступных ему путей – либо избегая, либо уничтожая его. Змея – третье и последнее олицетворение одного из основополагающих качеств кругового человеческого порока – гнева или злости, чувства мести или отвращения. Кстати, это все одно и то же. Плоды одного дерева. Даже одной ветки одного дерева.

Агафья Тихоновна замолчала и прикрыла глаза, словно восстанавливая силы. Невежество, привязанность и злость. Было над чем задуматься.

Некоторое время мы просто продолжали сидеть рядом, впитывая вибрацию каждого произнесенного вслух слова и додумывая недосказанное. Окружающий нас воздух был наполнен этими вибрациями. Странно, но стены не принимали, не гасили их, и доходя до преграды, звуковые и мысленные волны отражались от нее и возвращались к нам, наполняя помещение гулом и аханьем, сродни вокзальному. Разница была лишь в том, что этот гул был наполнен глубоким смыслом. Хотя, я уверен, что если внимательно прислушаться к гулу на вокзале, он тоже будет полон. До краев. Сколько же всего важного и интересного проходит мимо наших ушей и глаз. Мимо нашего восприятия. Мимо нас самих.

– Информация, – акула развела плавниками, словно указывая на вибрирующий воздух, – она никогда и никуда не девается. Единожды сказанное или выраженное каким-либо другим способом тут же обретает достаточно сил существовать автономно, – Агафья Тихоновна опять внимательно посмотрела на меня, и видимо, решившись, добавила:

– И вечно.

Мы продолжали сидеть молча, отдыхая и думая каждый о своем. Когда по мнению моей спутницы, прошло достаточно времени чтобы набраться сил, Агафья Тихоновна первой нарушила наш паритет в молчании:

– Ну продолжим, – она шумно выдохнула воздух, – нам предстоит еще много дел! С невежеством можно и должно бороться самостоятельно, каждый человек имеет на это право, и что самое главное, возможность. Я бы даже добавила, – акула опять приподняла плавник, выделяя значимость сказанного, – если на свете и есть что-то обязательное, то это развитие. Каждая книга, каждое, даже кажущееся нам самым незначительным знание, каждый приобретенный опыт, растворяет невежество лучше любого растворителя. Оно боится знаний как тьма боится света. Ведь правда же, легко можно зажечь огонь в темноте, но нельзя сделать наоборот, и воткнуть темноту в свет? Вот как Свет растворяет тьму, так и Знание растворяет неведение. Можно ли из этого сделать вывод что невежество нас окружает, как ночью темнота? Не знаю, – она неопределенно махнула плавником, – каждый выбирает свое окружение сам. Кто-то выбирает невежество, и после этого выбора можно ничего более не делать, а кто-то – Знание, и вот тут-то придется потрудиться!

Агафья Тихоновна кивнула на бутылочки с краской, стоящие на столе, и в точности напоминая хозяйку из сюжетов рекламных роликов про лучший стиральный порошок или чистящее средство, произнесла, – это образцовое средство. Свет. Ничто в мире не может противостоять Свету. Ничто и Никто.

Она сделала паузу, улавливая мое понимание сказанного почище любой антенны и, оставшись довольной результатом (а это было написано у нее на морде), продолжила:

– Привязанность и гнев, часто, если не всегда, идут рука об руку. Только на первый взгляд кажется что это субстанции разного рода. Но люди давно подметили их связь, которая выражена множеством поговорок, самая яркая из которых – «кого люблю, того и бяю». Привязываясь, человек берет на себя ответственность за чужую судьбу, абсолютно не отдавая себе отчета, что он не в состоянии контролировать другую жизнь. Не в состоянии и не вправе. И когда, совершенно естественно, у него ничего не выходит, то есть оказавшись несостоятельным в этом вопросе, человек начинает злиться. И хоть объективно его злоба должна быть направлена на

себя, на деле происходит иначе. Агрессия вырывается наружу, и субъективно, человек, продолжая не понимать что проблема в нем самом, пытается взвалить вину на кого-то. Кого-то, кто случайно оказался рядом. Человек злится. Не понимает что происходит. Теряет нить. И таким простым способом он хочет вновь ее нащупать, почувствовать эту нить в руке. И ему кажется что для этого нужно загнать другого человека в рамки своей жизни и ограничить его своим забором, накрыть своей крышкой. Лишить собственного мнения и зрения. Что это? – акула немного помолчала и подытожила:

– Обман. Ошибка. Иллюзия. Галлюцинация. Вымысел. Фантазия. Химера. Ложь. Ложь самому себе, прежде всего.

Агафья Тихоновна опять замолчала на мгновение и понюхала воздух, словно ища знакомый запах. Я повел носом и ничего не почувствовав, спросил:

– Вы что-то ищете?

– Да, ищу, – она вдохнула полную грудь, – и это что-то – ваше внимание. Но я слышу его запах, так что можно продолжать.

– Вы слышите запах внимания?

– Конечно, – акула кивнула, – и внимания и всего остального.

– Разве внимание пахнет?

– Абсолютно все пахнет, – Агафья Тихоновна серьезно посмотрела на меня, – и внимание, и увлеченность, и любопытство, и усталость. Если что-то существует, то оно просто обаяно пахнуть.

Я молча и утвердительно кивнул и в тысячный раз за сегодня дал себе слово ничему не удивляться.

Акула, тем временем, продолжала:

– Конечно же, для того чтобы кого-то учить, нужно прежде всего иметь на это право. А так как этого права нет ни у кого, да и быть не может, то его надо придумать и дать ему жизнь. Ну например, сказать – я старше или я опытнее. Или – я умнее. Или – ты должен поступать так, потому что так принято. Или, вот самое лучшее – я знаю что ты хочешь. Или еще – я знаю как тебе будет лучше. Другой человек может согласиться и принять, страдая и вынашивая в себе свой личный нереализованный потенциал или начнет бунтовать и отстаивать свое право на свободу. Все это выливается в злость, гнев и неизбежные в данном случае ссоры или даже войны, которые могут закончиться один черт знает чем. И человеческая привязанность (а люди называют это ни много ни мало – любовью!) заканчивается всегда одним и тем же – она перегорает как лампочка. И, конечно же, тухнет, – Агафья Тихоновна задумалась на мгновение, – иногда вспыхивая в предсмертной агонии и даже бывает что унося с собой в смерть и самого человека. Акула запнулась, словно не хотела что-то произносить и быстро подытожила:

– Вывод прост и категоричен – привязанность смерти подобна. Или вы кончаете с привязанностями или они кончают вас.

Агафья Тихоновна опять потянула носом воздух, как бы проверяя, понимаю ли я. Спустя мгновение, она продолжала говорить:

– Все что может сделать человек ограничено и безгранично одновременно. Ограничено его сферой влияния, то бишь исключительно собственной судьбой, и безгранично в этом измерении. Изменяя свою жизнь человек очень эффективно изменяет и свое окружение. Я бы даже сказала – не окружение, а отражение. Ибо всегда, – Агафья Тихоновна многозначительно приподняла плавник, – и никаких но или если, – она постучала плавником по столу, – всегда внешнее является отражением внутреннего. Просто четким и безукоризненно выполненным отражением. Как в зеркале. Точной копией. Мир с радостью и надеждой воспроизводит человеческие мысли и чувства, надежды и опасения, и каждому кажется себя самого. В этом и есть суть великого замысла Природы – научить. А когда урок усваивается лучше всего? – Агафья Тихоновна, не дожидаясь ответа, кивнула головой, – правильно! Когда есть наглядный пример.

Особенно когда этот пример – мы сами. Тогда обучение проходит быстрее и эффективнее. И как водится в обычной школе, а правила здесь, – она оглянулась вокруг, – точно такие же как в самой обыкновенной школе, только когда материал усвоен полностью, соискатель может перейти в следующий класс, на следующий уровень.

Агафья Тихоновна глубоко вздохнула, словно сердобольный классный руководитель отстающего класса и припечатала:

– Но Время категорически против. Оно разделяет причину и следствие, и человеческий мозг не в состоянии уловить связь между своими мыслями и их материальным воплощением, так как между ними стоит Время. Много времени. И нерушимая, прямая связь между причиной и следствием стирается, не воспринимается однозначно. Но она есть. А если быть точной, то только она и есть, – Агафья Тихоновна встала и подошла к воображаемому зеркалу, которое тут же материализовалось из пустоты, – понимаете, смотрясь в зеркало и, например, улыбаясь, человек тотчас видит свое отражение, ибо Свет со своей невероятной скоростью, – она посмотрела на меня и я почувствовал в ее словах иронию, – так вот, Свет со своей невероятной скоростью показывает нам зеркальное отражение практически мгновенно. Тоже самое происходит и на энергетическом уровне – улыбаясь, мы всегда получаем улыбку в ответ. Всегда. Но, бывает что много позже. Бывает что между отданной и полученной эмоцией проходят годы. Годы, в вашем, человеческом исчислении. Материальный мир, в котором вы живете, в отличии от энергетического, инертен и неповоротлив. Он достаточно медленно, но очень точно, не привирая ни на йоту, возвращает нам наши идеи и размышления, даже когда вы сами и думать забыли о них. Возможно, ему нужна эта пауза чтобы ничего не упустить и хорошенько подсчитать все улыбки и разочарования. Да, да, – Агафья Тихоновна улыбалась, смотрясь в зеркало, – иногда и думать забудешь, а тут – на тебе! Получи и распишись. В департаменте Материальной Реализации Мыслей и Идей, – акула многозначительно кивнула, словно подтверждая наличие такого учреждения, – не теряется ни одна, даже беглая мысль, ни хорошая, ни плохая, не теряется ни один поступок, ни один эмоциональный всплеск, ни одно одобрение или порицание. Материальная Вселенная медленно, со скрипом поворачивается к нам той своей стороной, на частоте которой мы излучаем...

– Излучаем?

– Ну или думаем, это одно и то же. Сторон этих у Вселенной бесконечное множество. Всем хватит. Каждый получит сполна. И тут уже не помогут ни взятки, ни связи. Исходящий человеческий канал всегда настроен на ту же частоту что и входящий вселенский. Вы спросите, что первично? Не знаю, – Агафья Тихоновна села за стол, – пока Свет и Время были воедино – все было просто. Но сейчас, когда Свет вырвался из плена и каждым своим лучиком показывает нам сверх возможности свободы от временного рабства, я уже не знаю что и думать. Вот он знает, – она кивнула на дракона, который зевнул, но опять не показал ни капли заинтересованности, хоть и всячески демонстрировал свое благодушие, – но он предпочитает молчать. Возможно, это лучшее решение. Ибо каждому свое Время. Он свое выдержал и теперь неуязвим ни для секунд, ни для столетий. Даже самые страшные орудия Времени – миг и вечность – не властны над ним. Ну до этих понятий мы еще доберемся, опять-таки, в свое время, – Агафья Тихоновна ерзала на стуле и смотрела на меня немного настороженно:

– Однако обеденное время закончено. Солнце скоро уйдет за горизонт, и мне кажется, мы с большей пользой можем провести остаток дня на улице. А разговор от нас никуда не денется. Придет и его час.

Дракон, словно услышав ее предложение, выполз из-под стола. Краски, съеденные накануне, впитались и полностью растворились в драконьем теле, придав ему силу и красоту. Он выставил вперед лапы и расправив крылья прогнул свою жесткую, привыкшую к негнущейся ручке японского зонта спину. Слово разминая ее, дракон потянулся вверх с мягкой грацией

кошки перед прыжком. Жилы, натянутые как тетива лука, упруго поддерживали форму крыла. Даже когти, казалось, стали еще больше и прочнее. Дракон бесшумно оттолкнулся от пола, сделал небольшой круг по залу, купаясь в красноватом, закатном солнце, и приземлился на то же место, оглушительно выдохнув воздух. Рев такой силы прокатился по помещению, что даже мелкие стеклянные осколки, лежащие на полу, забренчали словно мухи, попавшие под стакан. Дракон оглянулся вокруг, словно демонстрируя свою мощь всем желающим и еще раз прочистил горло.

– Хорошо что он дышит пока что без огня, – вслух произнес я, но должен был признать, что дракон вызывал лишь восхищение. И пожалуй еще немного восторга.

– Вот это союзник, вот это союзник, – повторяла Агафья Тихоновна, оставив без внимания мою реплику, она была полностью поглощена наблюдением за драконом. Акула в полном восторге кружилась по залу, опираясь только на хвост, – идемте же, скорее идемте. Вы спасли дракона от скорой гибели, накормив куском радуги, теперь ему необходим только Свет. В самом крайнем случае давайте ему краски. Но лучше просто Свет. Поверьте, этого вполне достаточно чтобы поддерживать драконью жизнедеятельность, и что немаловажно – драконью сущность!

Агафья Тихоновна схватила синий зонт в красный горох, который так и стоял при входе в обеденный зал, и выскочила на улицу. Дракон, чего я совсем не ожидал, в одно мгновение подхватил меня на крыло, совершив головокружительный кульбит и взмыл вертикально вверх, к разбитому стеклянному куполу, но только для того, чтобы вылететь из здания и через миг мягко приземлиться у озера. В его лапах было 50 бутылочек отличнейшей краски, с таким трудом добытой мной в течение всей жизни, и с любовью собранной в эти посудины Агафьей Тихоновной. А я даже не заметил когда он успел их схватить.

Водная гладь впитывала, или наоборот, отбивала, свет уходящего солнца и сама вода от этого казалось кровавой, закатной. Словно пропитанной кровью тысяч воинов, пытавшихся пройти сквозь него. А может быть кровь была только в моей голове.

Дракон аккуратно сложил посудины с краской на берег и приблизился к зыбкой блестящей поверхности. Он опустил голову впритык к воде и звучно и долго втягивал в себя дымку с поверхности озера. Вечерний, вязкий воздух стягивался к его пасти вместе с оранжево-красным отблеском вечерней зари, и пропадал где-то в недрах его уже немаленького, но все еще увеличивающегося тела. Вода постепенно обнажалась и становилась черной, матовой, незнакомой. Спустя какое-то время багровые тона полностью исчезли, и только Солнце, как огромный фонарь, висело над нашими головами, но свет его более не озарял этот участок земли. Дракон поднял голову и еще раз вдохнул, на этот раз коротко и мощно. Солнце, покачнулось на небосводе, и словно бильярдный шар, направленный умелой рукой в лунку, скрылось в огромной, улыбающейся пасти нашего ненасытного союзника.

– Когда Время прекращает движение, привычный нам, видимый человеческому глазу Свет уходит отсюда. Или просто прячется, – Агафья Тихоновна смотрела на дракона, чешуя которого просвечивалась изнутри и хоть немного, но освещала пологий берег, – а вот достаточно ли у нас сил противостоять тьме в стоячем времени, покажет как ни странно, само Время. Пока мы в этих телах, мы обязаны с ним считаться.

С этими словами она раскрыла зонт, который тут же вспыхнул глубинной синевой вечернего неба и десятком огненно-красных маленьких солнц-горошин.

– Здесь нам пригодится индивидуальное освещение, – акула явно знала что делала.

Я, словно замороженный в сотый раз за день, с отвисшей челюстью, смотрел на купол зонта. Он увеличивался пока не заслонил собой весь небосвод и вместо одной яркой, но дале-

кой звезды, которая уже была в чреве нашего немногословного спутника, над головами у нас засияло множество пламенных, красных светил.

Свет, словно выпрыгнул из-за угла и засиял инфракрасным спектром, неся с собой тепло. Одновременно с теплом пришло полное непонимание природы происходящего.

– Где мы? – это единственное что я смог выдать из себя.

– Везде, – Агафья Тихоновна тихонько наклонилась ко мне и объяснила, – Природа этого мира такова, что Солнце, как и любое физическое тело, одновременно находится в каждой точке Пространства, поэтому мы и видим добрую сотню солнц на небосводе. Но оно одно. Просто везде и сразу. Как и мы. Времени, таковому, к которому мы привыкли, здесь не существует, – акула шептала мне на ухо, – ведь подумайте, по сути, что такое Время? Это такое измерение в Пространстве, благодаря которому все происходит не сразу. Просто набор фотокарточек, каждая из которых показывает свое мгновение. Вот поэтому так много солнц, ведь здесь – все фотокарточки сразу и прямо сейчас, наложенные друг на друга. А мы с вами просто немного изменили настройки и получили возможность видеть несколько фотокарточек сразу. Мы – наблюдатели.

Агафья Тихоновна медленно встала, подплыла к темному озеру, продолжая говорить:

– По сути – Время и есть альбом с фотокарточками, который существует сразу и целиком. Но ваши органы восприятия, включая мозг, не в состоянии показать вам все сущее одновременно. И вам приходится листать снимок за снимком. Этот процесс и называется человеческой жизнью.

– А можно сразу заглянуть в конец альбома?

– Да, если предположить что у него есть конец.

– Я имел в виду, в конец моего личного альбома, ведь когда-то же меня не станет.

– Не станет, – как эхо повторила Агафья Тихоновна, – конечно, не станет, – а кого это – вас?

– Меня, человека.

– Человека? – она рассмеялась, – вы – человек? Человек, это ваш биологический вид и точка. Ваш – притяжательное местоимение. Ваш – это значит, вид, который принадлежит вам. Или к которому принадлежите вы. Это суть одно и то же. Но это не вы.

– Ээээээ, – я не знал что сказать, – но кто тогда я?

– А вот это нам и предстоит выяснить, – Агафья Тихоновна подмигнула мне черным пуговичным глазом, – кто вы такой.

Акулий глаз вновь обрел человеческую глубину и я увидел в нем свое отражение. Желтый вертикальный зрачок смотрел на меня из зеркала, созданного самой Природой. Я часто заморгал, прогоняя наваждение, а акула весело засмеялась. Она знала что я увидел. Точно знала. Но ничего не сказала. И видимо, не собиралась говорить.

– Кто я? – повторив вопрос я еще раз взглянул в глаза моей спутнице, – кто же я?

Озеро отражало тепло доброй сотни новых солнц, его поверхность потеряла матовость и прямо в воде, то здесь, то там просматривались очертания двух тел – акулы и человека. Два совершенно разных биологических вида мирно шли, беседуя на ходу.

– Значит, нам туда? – зачарованный, как я думал, видением, я кивнул в сторону темной, но прозрачной воды.

– Или туда, – акула повернулась к зданию столовой, показав на нее глазами.

– Но мы там уже были.

– Ничто и никогда не помешает вам туда вернуться. Прошлое и будущее существуют постоянно. Как и настоящее. Любой фотоснимок доступен в любое время. Он сам по себе является целым миром, вечным и неизменным.

– Значит ничего нельзя изменить?

– Зачем что-то менять? Разве в этом есть хоть какая-то необходимость? – Агафья Тихоновна удивленно посмотрела мне в глаза, – снимков-то бесконечное множество, понимаете, бесконечное... Не сто, не тысяча, не миллион и не миллиард. И даже не миллиард триллионов. Бесконечное количество – это огромное число без самого числа. Это как количество мгновений в одной секунде. Или в одном столетии. И там, и там – неисчислимая бездна различных между собой моментов. Как в секунде, так и в столетии, – повторила она хитро и улыбнулась, – можно даже сказать что и в секунде и в столетии одинаковое количество мгновений. Так что они мало чем отличаются.

– Секунда и столетие?

– Ага. И тысячелетие тоже.

– Но так не может быть!

– Может. Бесконечность делает это возможным.

– Но ведь можно что-то исправить или изменить, вернувшись всего лишь на один миг назад, – я не хотел понять очевидного и настаивал на своем, – и будущее ведь изменится!

– Вы думаете, у вас есть свобода выбора? – Агафья Тихоновна задумчиво разглядывала ничем не примечательный камешек, с одной стороны смоченный прохладной водой, а с другой – прогретый солнечным теплом, – думаете, вы в состоянии что-то изменить?

– Конечно. Если есть возможность вернуться во времени, можно изменить многое.

– В отдельно взятой, вашей жизни, наверное, да, – она усмехнулась, – но для Времени ничего не изменится. Снимков-то бесконечность. И всё что было, есть или будет, или даже просто может быть – уже где-то и когда-то существует. Вы просто прыгнете в другое, уже существующее мгновение и проживете его. Но то, что вы хотели изменить и, допустим, изменили, от этого не перестанет существовать. Оно лишь перестанет существовать в вашем восприятии. Даже не в вашей жизни, а только в вашем восприятии и в вашей же памяти, которая ни много ни мало – лишь зеркало вашего восприятия. Даже не зеркало жизни, а всего лишь вашего восприятия этой самой Жизни.

– Получается что я вполне могу прожить все возможные варианты?

– Если бы у вас было бесконечное количество Времени, то да. Но вы вряд ли смогли бы даже вспомнить об этом. Человеческий мозг устроен очень хитро, – она вздохнула, – он воспринимает только линейное движение времени от причины к следствию, и эта, казалось бы простота, как раз всё и путает. Ведь на самом деле, следствие точно так же определяет причину, как и причина - следствие. Другими словами, прошлое зависит также от будущего, как и наоборот.

– Не совсем понятно.

– Такова человеческая природа.

– Значит я все-таки человек? – я ухмыльнулся, вспомнив как акула рассмеялась, не согласившись с этим утверждением.

Агафья Тихоновна перевернула лежащий на берегу камень таким образом, что его светлый, теплый и сухой, нагретый солнцами край, оказался в прохладной воде, а темная, мокрая часть очутилась на свету. И пока она не высохла и не посветлела, весь камень был одинакового темно-серого, цвета мокрого асфальта.

– На этот вопрос можете ответить только вы сами. И Никто другой.

– Никто?

– Да. Никто, который постоянно с вами.

Казалось бы, ничего не изменилось. Часть камня, подставленная под солнечный свет высохла и отливала серебром, тогда как сама вода на камне четко прорисовала границу между темно-серым – мокрым и светло-серым – сухим.

Но мы-то знали что сейчас все было с точностью до наоборот.

– Люди испытывают эмоции? Или эмоции испытывают людей? – Агафья Тихоновна смотрела на воду, послушно и безропотно отражавшую добрую сотню, а может и больше, новых, недавно рожденных зонтичных солнц, – но кто такие люди? Кто? – она вернулась на травянистый берег, и вода тут же почернела, скрыв свое содержимое от наших глаз, – ветер дует – трава гнется. Вы выбираете быть травой, испытывающей порывы ветра. Или выбираете быть ветром, гнушим траву. Каждому своё.

– А что правильно? – единожды глянув, я не мог отвести взгляд от травы на берегу, в новом, не виденном мною ранее инфракрасном излучении, казавшейся фиолетово-черной.

– Правильно? – акула рассмеялась, – правильно именно то что вы выбираете. Любой ваш выбор верен.

– Любой?

– Любой! Главное чтоб он был ваш!

– Значит не надо никого слушать?

– Если это не соответствует вашему восприятию действительности, то не надо. Прислушивайтесь, но не слепо следуйте. Ведь есть категория людей, которые не посоветуют плохого.

– И кто это?

– Например, ваши родители, – Агафья Тихоновна попыталась скрыть усмешку, – друзья тоже. Если вы уверены, что это друзья.

– Их можно слушать?

– К ним нужно прислушиваться. Впрочем, и это совсем не обязательно. Ваш путь всегда останется вашим и никто, кроме вас его не осилит.

– А можно вообще не выбирать? Если я еще не решил кем хочу быть – травой или ветром?

– Можно. Это не меняет сути. Ветер не перестанет дуть, а трава не прекратит гнуться.

– А я?

– А вы быть.

Агафья Тихоновна, казалось, и не собиралась покидать этот дивный, около-озёрный мир, и я, наслаждаясь впредь неиспытанными чувствами, откинулся на траву, подставив свое лицо каждому из сотен, а может и больше, солнц. Ветра не было. А трава была. И я был.

– Нет, нет, ветер есть. Но он компенсирует сам себя. И мы его не ощущаем, – Агафья Тихоновна продолжала читать мои мысли, – в этом Мире, как и в любом другом, все совершенно.

– Что значит совершенно?

– Совершенно – это именно так, как должно быть. И никак иначе, – акула искоса посмотрела на дракона, – и совершенство, как ни странно, можно выразить всего лишь одним словом – равновесие.

– И вы считаете Мир совершенным?

– Конечно!

– Но почему?

– Потому что ничего другого попросту нет. А есть лишь идеи, как могло бы быть, но не стало. Вывод напрашивается сам, – Агафья Тихоновна усмехнулась и добавила, – если есть только одно это, – она развела плавники в сторону, – то оно совершеннее всего остального, ибо только оно и есть. Кстати, здесь у нас есть сколько угодно времени чтобы разобраться со всем. Когда я говорю – сколько угодно, то имею в виду нисколько, – акула опять попыталась скрыть усмешку, – ибо самого Времени попросту нет. Ну а потом мы должны будем вернуться домой. Просто обязаны будем вернуться, – она замолчала на мгновение, – или не будем должны. Я не

знаю. Однако выбор все-таки придется сделать. Правда, стоит учесть что отказаться выбирать – тоже выбор. Ведь по сути это ничего не меняет – ветер продолжает дуть, а трава – гнуться.

– А я быть?

– А вы – быть, – Агафья Тихоновна уже не скрывала свою довольную улыбку, – а вы – быть, – повторила она задумчиво и добавила:

– Если, конечно, вы не отделяете себя от ветра...

Большая белая акула, светло-серая, глянцевая, с тугой и упругой, словно вымокшей и высохшей на ярком солнце, натянутой на мощный скелет кожей, вздернутой прозрачным лаком, акула прогуливалась вдоль пологого озерного берега. Ярко освещенная с разных сторон множеством зонтичных солнц, и поэтому не имеющая тени, Агафья Тихоновна решила вернуться к теме, незаконченной на нашей, теперь казавшейся мне далекой, Земле с одним-единственным, но таким домашним и родным, нашим привычным Солнцем.

Агафья Тихоновна рассуждала о Любви.

– Убедительный, я бы даже сказала, хрестоматийный пример одновременного проявления привязанности и злости в человеческой жизни – любовь и ревность. Только тут Любовь – совсем не та любовь, которая именно Любовь, а то, что люди называют любовью, путая иногда со страстью, иногда с простой привязанностью, а иногда и с банальной боязнью одиночества. Если бы вы знали сколько людей испытывают жгучее несчастье каждый миг только из-за одного, ставшего пресловутым, стакана воды, который, как они думают, некому будет подать в старости. И неважно, что в старости может совсем не захотеться пить, – Агафья Тихоновна засмеялась собственной шутке, – но люди, думая об одиночестве, и боясь его до умопомрачения, в конце концов, именно его и получают.

– То, чего мы боимся или опасаемся, проявляется в реальной жизни?

– Да. Страх выполняет роль дополнительной антенны и Вселенная, которая очень скрупулезно возвращает каждую мысль, действует вдвойне быстрее, если эта мысль еще и страшит. Ведь ничего и нигде не пропадает и ни в коем случае не теряется. Ни одна мысль. Ни одно чувство. Все только и ждет своего часа чтобы проявиться, – Агафья Тихоновна повернулась ко мне и медленно, по слогам, произнесла:

– Именно поэтому лучше просто сидеть на траве, как это делаем мы с вами, освободив Сознание от страхов и волнений, и любоваться озерной гладью. И никогда ничего не бояться. Никогда. И ничего.

Агафья Тихоновна замолчала и какое-то мгновение просто наблюдала за своим отражением в воде. Оно было четким, как в зеркале. Акула провела плавником по гладкой, не нарушенной никаким, даже самым слабым дуновением ветра поверхности, и зачерпнув плавниками немного черной, как смола воды, поднесла ее к драконьей морде, предложив ему напиток.

– Человечество забыло что такое истинная Любовь. Истинная Любовь стоит особняком среди всех возможных чувств. Истинная Любовь не может испытываться человеком, как остальные чувства. Истинная Любовь не гнет и не гнется. Истинная любовь, как живой организм, сама испытывает людей, испытывает их чувства и эмоции. Она сама решает кому открыть свою сущность. И открывает ее только тем, кто действительно готов. Кто смог. Кто может. Кто сможет и дальше. Истинная любовь самодостаточна. Нет ничего что могло бы сравниться с настоящей Любовью, ведь что бы мы ни взяли – материальное ли, духовное ли, оно всегда окажется лишь составной частью Любви. Любовь абсолютна. Любовь бескорытна. Она не требует ничего взамен, ибо сама питает себя. Истинная Любовь – это океан мироздания, в котором, вполне возможно, зародилась и сама Жизнь. Все ее ветви и разновидности. Все бесконечные и бесчисленные вариации жизненных форм сотканы в океане истинной Любви, они являются порождением этого океана, его частью, его детищем. В этом океане зародилось и то, что человечество называет эволюцией – а это уже даже не живой организм, а процесс. Глагол.

Дракон подтянулся к плавникам акулы и испил предложенную ему воду. В его глазах мелькнуло что-то, напоминающее благодарность. А может быть это и была Любовь.

– Процесс – это действие, – Агафья Тихоновна продолжала говорить, – а действие, то есть глагол, гораздо долговечнее любого организма, или имени существительного, ибо действие включает в себя жизни множества поколений. Люди рождаются и умирают, а дело, действие, живет и продолжается многие и долгие годы, иногда даже столетия, а бывает и дольше. Так что глагол вправе перечеркнуть все существующие «кто» и «что». Так, например, человеческие поступки всегда перечеркивают слова, – акула усмехнулась, – подумайте, ведь в нашей жизни по сути существуют одни глаголы. Действия. И сама эволюция является скорее глаголом, чем существительным, ведь она – это процесс изменения видов. И цель у этого процесса одна – улучшить уже существующие формы жизни, предоставив эти формам какие-то новые качества и возможности, другими словами – помочь им выжить и выстоять. Заметьте, – Агафья Тихоновна улыбнулась, – бескорыстно помочь кому-то, не требуя ничего взамен, или что-то улучшить, опять-таки, без вознаграждения и без корысти, можно только тогда, когда ты испытываешь к этому кому-то именно Любовь, не так ли? Пусть даже в усеченном, урезанном, человеческом представлении. Но именно Любовь, Любовь с большой буквы «Л», а не просто привязанность, симпатию или вожделение!

– Вы так думаете?

– Я так знаю.

– Но почему нельзя бескорыстно помочь понравившемуся человеку?

– Потому что в отсутствии Любви вы будете помогать не бескорыстно. Корысть, как прищипавшийся в темных кустах хищник, атакует незамедлительно. И без вашего на то желания или разрешения. Этот хищник может быть чем угодно. И подпиткой собственного эго, когда человек говорит сам себе – какой же я молодец, что делаю добрые дела, и ожиданием какой-либо награды за сделанное, даже если и не от того кому помог, то от высших сил, да чем угодно. А бескорыстие – это совсем другое. Бескорыстие – это Любовь.

– Но почему?

– Потому что только находясь в Любви, человек перестает в чем-либо нуждаться, ибо Любовь способна дать ему абсолютно все.

– Но почему так? – я повторил свой вопрос.

– Потому что Любовь сама по себе является тем, из чего сделано все остальное. И если вы в любви, то у вас уже есть все то что в принципе может существовать. Чего тогда желать? Чего хотеть? К чему стремиться? – Агафья Тихоновна мечтательно посмотрела на озерную гладь и добавила:

– Тогда остается только сидеть на берегу и смотреть вдаль, ибо все остальное у тебя уже есть.

– Как мы с вами?

– Да, да. Как мы с вами.

– Значит у нас уже все есть? Значит мы познали и Любовь?

– Конечно, – акула посмотрела на меня испытывающе, – в противном случае ключ не подошел бы к замку.

– Ключ?

– Да. Ключ. Ваш зонт с драконом. Да и вообще не было бы никакого дракона, – она рассмеялась, – ничего бы не было. А замки? Замки существуют только в головах людей. И исключительно для людей.

Я невольно задумался. Был ли в моей жизни, хотя бы один бескорыстный поступок? Совершил ли я что-то просто так для кого-то, абсолютно мне безразличного?

– Получается что накормив бездомного и безразличного мне пса на улице, я был полон Любви?

– Думаю что именно так, – Агафья Тихоновна кивнула головой, но может быть и совсем нет.

– Почему же нет?

– Возможно, вы были не полны Любви. Для этого пса вы и были сама Любовь. Вы побыли немного Буддой, глотнули свободы, и сами даже не заметили этого, – она засмеялась громко, заливисто, – как часто мы проходим мимо столь очевидных вещей!

Агафья Тихоновна продолжала смеяться, наблюдая за моей растерянной физиономией.

– Так что в вашем случае голодный пес ни при чем. Это вы стояли на улице. Вы были голодны. И вы помогли себе сами.

Дракон, лежащий около воды, приподнял голову и мощным рыком выразил свое согласие с Агафьей Тихоновной. Та, поблагодарив его кивком головы, продолжала:

– Истинная Любовь всегда направлена вглубь себя, и благодаря этому она дает понимание одного очень важного качества. Лишь полюбив себя по-настоящему, полюбив свое земное, телесное воплощение, человек в состоянии полюбить и кого-то другого. Обходного пути, другой дороги попросту нет, а почему? – акула смотрела на меня и ждала ответ.

– Потому что нет никакого кого-то еще. Есть только ты, – почти прошептал я.

– Именно! Именно так! Есть только ты и больше ничего и никого кроме тебя! – Агафья Тихоновна говорила эмоционально и, казалось, была очень довольна моим пониманием сути вопроса, – на определенном этапе развития Любовь поглощает человеческую, перекрестную сущность, и сам человек, стоящий на этом перекрестке уходит вверх, к божественному, становится живым воплощением Любви, ее материальным и физическим оттиском. Это и есть момент освобождения от телесных перевоплощений. Когда ты есть Любовь, а Любовь есть ты, становится совсем неважно сохранится ли твое физическое тело – эта крупинка материи в бесконечном море Любви. Твоя внутренняя река впадает в бесконечное море и ты сам становишься им же, вечным, безвременным и безбрежным морем.

– Но если река захочет стать морем, она ведь должна рискнуть своей жизнью, а если выразиться точнее – то и пожертвовать ей?

– В смерти меняется только тело, – акула улыбнулась, но сумела сохранить серьезность, – и когда твое путешествие в человеческом теле подходит к концу – ты обрастаешь новой, пусть уже и не человеческой, но какой-то другой плотью. Как река становится океаном, так и ты превращаешься в субстанцию иного порядка. Как правило, – она ухмыльнулась, – если этого не произошло раньше, то в этот самый момент и приходит понимание, что даже будучи человеком, где-то глубоко внутри тебя всегда плескался этот безбрежный и бесконечный океан, который совершенно добровольно сам ограничивал себя контурами человеческого тела, – Агафья Тихоновна подмигнула мне, – и более того, позволял тебе считать это тело чем-то безусловно и бесспорно важным.

– Позволял мне? Но если он, этот океан – это и есть я?

– Счастлив тот, кто сумел увидеть безграничность, использовать ее, будучи заключенным в тюрьму. Даже не счастлив, – акула на мгновение задумалась, – не счастлив, но свободен, – она замолчала еще на мгновение, – впрочем это практически одно и то же.

– Счастливый и свободный?

– Да. Счастливый, или собранный воедино, ведь само слово как бы подсказывает нам – «со-частье» – то есть сложенный из частей в нечто одно, но цельное и нерушимое, всегда будет свободным.

– А свободный всегда счастливым?

– Свободный, а другими словами, не разделенный никакими границами, уж наверняка будет цельным, а следовательно, и счастливым, – Агафья Тихоновна шумно выдохнула воздух, – ведь границы есть только у частей, не так ли? У целого границ нет.

Я молча кивнул, соглашаясь со столь очевидной вещью, а моя спутница продолжала:

– Тогда и приходит понимание, что твое тело было лишь транспортом, который ты использовал чтобы добраться до следующей остановки. И нечего его жалеть. Смерть тела – не конец жизни, а ее часть, ее изменение. В конце концов, каждый соберет себя из этих частей, как витраж в окне, и тогда все станет просто и понятно, а твое пространство наполнится ярким и цветным, осмысленным и понятным Светом, пропущенным через этот витраж. И конечно же, одним стеклышком в витраже может быть и смерть, почему нет? В человеческом понимании этого слова, – Агафья Тихоновна подмигнула мне лакированным глазом, – ведь смерть – лишь простое изменение сущности, дверь для одной капельки в бесконечном и неиссякаемом океане Любви. Тысячи, миллионы рек впадают в мировой океан. В океан того, что человечество, находясь на перекрестке, ошибочно считает ненастоящим, принимая за настоящее лишь видимую глазу материю.

– Подождите, я что, умер? – внезапная догадка ошпарила, как кипятком, мое сознание.

– Умер? Да вы только начинаете жить, – акула рассмеялась, – только начинаете, – повторила она, – только начинаете. И смерти-то нет. Ее придумали люди.

– Зачем людям придумывать то, из-за чего потом надо страдать?

– Наверное, потому что они любят страдать, – Агафья Тихоновна пожала плечами, – вот я, например, еще не встречала человека, ум которого не был бы захламлен религиозными сказками о пользе страданий. Чаще всего, если не сказать всегда, люди сами выбирают боль.

– Выбирают?

– Конечно.

– Но все же? – мне казалось, что акула что-то скрывает и я был настойчив, хотел прояснить ситуацию, – как человек я уже умер?

– Нет, нет, – Агафья Тихоновна покачала головой, – вы живы. Между прыжком, называемым смертью и самим полетом лежит сомнение. Вы именно там.

– Что такое сомнение?

– Для думающего человека – сомнение – это сама Жизнь.

– Следовательно, полет – это...

– Не забегайте вперед. Вы поймете когда взлетите.

– Любовь побеждает смерть? – тогда я решил зайти с другой стороны.

– Любовь ничего не побеждает, – акула говорила все непонятнее и непонятнее, – Любовь все порождает. И смерть в том числе. Это составная часть развития материального мира. Смена поколений и организмов ведут к изменению видов, а значит для того чтобы жить дальше, просто необходимо умереть!

– Но в человеческой, столь короткой жизни, мы не в состоянии заметить сам процесс эволюции. Зато мы чувствуем любовь и ощущаем движение времени, – я неторопливо выкладывал все накопившиеся у меня аргументы, – и это движение лишь в одну сторону. Билет в один конец. Что реально именно для человека? То что он чувствует, не так ли? Значит, для меня, как для представителя человеческого рода, реально существует Любовь, и реально существует Время. И все это реальное существование длится до тех пор пока я не умру.

– Если рассуждать, забившись в самый дальний угол вашего Сознания, то да. Но в самый дальний и в самый темный угол.

– А если рассуждать, выйдя на свет?

– Тогда картина меняется, – Агафья Тихоновна взглядом показала на все вокруг, – не правда ли, немного необычное место?

– Более чем, – я кивнул и засмеялся, – и если остаться здесь, я никогда не умру? Ведь время тут не движется, и значит, мне всегда будет 41? Прекрасный возраст, вы не находите?

Акула кивнула головой.

– Вы никогда и не умрете. И для этого совсем необязательно оставаться вечно на берегу этого озера.

– Но пройдет время и...

– Время не пройдет. В сознании людей Время вечно. А человек пройдет. И только ему выбирать в каком направлении. Человек в состоянии справиться со временем самостоятельно. Для этого совсем не обязательно находиться в каком-то особенном мире, с отсутствием времени как такового.

– И можно жить вечно?

– Жить вечно? – Агафья Тихоновна усмехнулась, – жить вечно – это отнюдь не подарок. Жить вечно – это, скорее, проклятие.

– Пусть так. Но гипотетически это возможно?

– Конечно. Любая, даже самая невероятная мысль, которая может появиться у вас в голове – так же реальна как и мы с вами.

– Только мысль?

– И мысль и ее воплощение. Это одно и то же.

– И человек может властвовать над временем?

– Человек его создал. И раз так, то уж наверняка может им управлять.

– Как так, создал?

– Создал в своем Сознании. Создал, придумав таким образом легкую и понятную самому себе модель Вселенной. Человеческий мозг воспринимает Мир изменяющимся во времени, а значит и само время существует только в головах людей. Им так легче.

– Легче жить?

– Скорее легче описать то что они называют жизнью. А жить многие из них еще и не начинали, – Агафья Тихоновна засмеялась. Она была в прекрасном расположении духа.

Я набрал в ладони влажный песок и соорудил на берегу нечто напоминающее пирамиду.

– Если человек создал время, то оно стало реально существовать в человеческой жизни, не так ли?

– Как эта пирамида, – согласилась Агафья Тихоновна.

– И...?

Сильный удар акульего хвоста разрушил песчаную пирамиду в одно мгновение.

– Действительно реальным является только песок. А фигуры, вылепленные из него реальны для вашего Сознания, не более. В Природе нет геометрических форм. Нет ни шаров, ни пирамид, ни линий. Есть только то что есть.

– И это значит что временем, как и всем что создано искусственно, можно управлять?

– Управлять или игнорировать.

– Но в Сознании людей оно реально?

– Да. Человек наделил его самодостаточностью, дав власть над собой же. После чего он начал с ним бороться, и человеческая жизнь наполнилась чередой побед и поражений. Таким образом, человек принял правила созданной им же игры, и заполнил все свое существование искусственным смыслом.

– А время?

– А время стало автономной структурой.

– То есть человек всю жизнь борется сам с собой?

– Конечно. Более того, все человеческие передрыги проходят только в головах людей. Именно там, и нигде больше. Во всей Вселенной для этого нет другого места.

– Получается что весь Мир сконцентрирован в голове, в человеческих мыслях?

– Получается, – акула энергично кивнула головой, – это еще одно доказательство иллюзорности бытия. Бытия, придуманного человеком.

– Но Время оказывает реальное воздействие на нашу жизнь.

Агафья Тихоновна быстро слепила песчаную пирамиду, очень похожую на ту, которую разрушила ранее.

– Да. Точно так же как эта пирамида отбрасывает реальную тень.

– Мне кажется, я понимаю.

– Можно ли сказать что пирамида специально закрывает от вас свет?

– Нет.

– Правильно. Она лишь выполняет те функции, которые вы на нее возложили. И чем больше пирамида, тем большую тень она отбрасывает. Так и со временем. Чем глубже ваша вера в его могущество – тем серьезнее его влияние на вас.

– Но из чего оно сделано? – я кивнул на пирамиду, имея в виду Время, а не влажный песок.

– Из ваших мыслей, из чего же еще. Только в вашем Сознании Время самостоятельно. Только там Время так любит проверять людей. Только там, как бы назло вам самим, Время раскладывает свои, вроде как соседние мгновения подальше друг от друга. И вы начинаете путаться в фотоальбоме, перескакивая со страницы на страницу, надеясь что следующий снимок будет лучше предыдущего. Но куда бы вы не перескочили – единственное что вы берете с собой – самого себя. Со своей верой, со своими мысленными устоями и заблуждениями. Вы неумоимо скачете от снимка к снимку, живя мечтами о светлом будущем и переживая недавние потери, совершенно теряя настоящее – единственное реальное для вас мгновение. И хорошо было бы для вас, если бы у Времени, как у фотоальбома было четкое направление из начала в конец. Тогда шаг за шагом, просмотрев весь альбом, человек обязательно нашел бы искомое, ибо страниц у альбома может быть бесконечное множество и уж какая-то бы точно подошла. Но вы сами отобрали у него единственно понятное вам качество – линейность и Время тут же разложило свои снимки по кругу, перетасовав, как колоду карт. Куда идти? На что смотреть?

– И оно реально как эта пирамида?

– Да. Реально, как огромная пирамида, которую не под силу разрушить одному человеку. Ее создавали миллионы лет и миллионы поколений. Вся ваша цивилизация построена на концепции Времени. Значит оно реально, и более того – реально, как ничто другое, – Агафья Тихоновна внимательно посмотрела на меня, как бы прикидывая, а стоит ли говорить, – но один нюанс все таки есть. Человек не в состоянии создать нечто непонятное ему самому. И Время, как и эта пирамида, объемно. В самом начале, когда оно было придумано, Время выполняло одну лишь функцию – шло или бежало, это уж как вам будет угодно, из одного конца воображаемой линии в другой. Линии, заметьте! Но за миллионы, даже миллиарды лет, став незаменимым помощником эволюции, Время приобрело бесконечность и безмерность, из одномерной линии превратилось в трехмерную, под стать Пространству, фигуру, и именно поэтому сейчас возможен любой вариант развития событий.

– Время эволюционировало?

– Время разрослось. Заматерело. Что совсем немудрено, имея такую энергетическую подпитку, как вера немислимого числа поколений людей. На таком черноземе легко расти, я бы даже сказала, невозможно не вырасти, совершенно невозможно.

Я сидел на берегу, и слушая, задумчиво поглаживал траву то в одном направлении, то в другом. Агафья Тихоновна некоторое время молча наблюдала за мной, а потом придвинулась вплотную и, глядя мне прямо в глаза, произнесла:

– Представьте себя посреди огромного поля. Вокруг вас, куда ни глянь, трава до горизонта. И каждая травинка похожа на соседку, но отличие все же есть. Беглым взглядом и не уловить, но оно есть. Так и Время со своими фотографиями. Куда ни глянь – везде снимки, и они практически идентичны. Нет ни тропинки, ни тем более дороги, по которой надо идти. И этих снимков бесконечное множество и где тот ваш, заветный, который вы так ищете и жаждете, неизвестно. Но он есть. Как есть и любой другой. Ведь каждый снимок статичен, как эти стебельки, и каждое мгновение во Времени существует вечно. Оно не испаряется и никуда не пропадает, вы просто переворачиваете страницу. И от того что вы перевели взгляд от, скажем, этой травинки, – Агафья Тихоновна дотронулась до одного из живых побегов, – на другую, первая не перестала существовать. Она просто осталась вне поля вашего зрения. Так и временной снимок остается в альбоме и Ничто не может вам помешать вернуться к нему. Как Ничто не может помешать вам опять взглянуть на эту травинку. Все, абсолютно все, что мы можем придумать, уже есть. Я намеренно употребляю слово «есть», а не «было» или «будет». Для Времени нет ни прошлого, ни будущего. Только настоящее, и оно бессрочно. А вот реализуется ли оно в вашей, столь бедной на измерения жизни, зависит от того в какую сторону вы пойдете. Ведь доступна любая дорога. И от того что вы пойдете вправо, снимки слева, или впереди и сзади, не перестанут существовать. Ведь все существует одновременно. И все только и ждет чтобы проявиться в вашей, человеческой, жизни.

– Доступна любая дорога?

– Да, любая. Но для того чтобы куда-нибудь попасть, надо хоть приблизительно знать направление. Если захотите, можно найти и течение, ведь тогда вам не придется грести. Егто, это направление или течение, и прячут невежество, привязанность и гнев. Только освободившись от них можно услышать свой голос, который точно где это течение и куда надо плыть.

– Услышать свой голос? – я старался не пропустить ни слова и автоматически повторял некоторые слова.

– Да, именно так. Услышать свой голос. Еще никто не заблудился, следуя за своим внутренним голосом.

Агафья Тихоновна подождала когда утихнет эхо от ее слов и немного поразмыслив, добавила:

– Впрочем, куда плыть или идти или даже лететь – тоже неважно. Пространство так же иллюзорно как и Время. Точнее всего его можно представить как вывернутую наизнанку точку. Куда бы вы ни направились – вы всегда в нужном месте и в нужный час. Это и есть сама большая тайна Времени и Пространства, – акула рассмеялась, – теперь она известна и вам.

Агафья Тихоновна опять провела плавником по зеркалу озера и водная поверхность подернулась рябью.

– Там, в глубине, вода остается недвижимой, какое бы волнение не было сверху. Верхние слои воды, перемешиваясь, компенсируют движение, и чем глубже вы погружаетесь, тем покойнее вода, – акула повернулась ко мне и провела мокрым плавником по моему лицу, – а как вы думаете, капли воды на вашем лице спокойны?

– Думаю, да.

– Несмотря на то, что они двигаются по вашей коже вниз, к земле?

– Да. Несмотря на движение относительно меня, они в полном покое. Вода не сопротивляется силе тяжести, и поэтому относительно самой себя находится в покое, – я чувствовал как небольшие капельки, собравшись на подбородке в один водяной шарик, оторвались от моей кожи. Упав на землю, они исчезли, растворившись в песчаном грунте.

Агафья Тихоновна молча кивнула.

– Вы совершенно правы. Капля воды не сопротивляется силе, которую она не может изменить. Она принимает ее всей своей сущностью, и именно это дает простой капельке решающее преимущество.

– Преимущество перед чем?

– Преимущество перед тем, что сопротивляется, бунтует и упрямится. Перед тем, что или кто пытается переделать мир под себя. Совершенно не учитывая при этом законы самого Мира.

– Но что может сопротивляться Природе?

– Не что, а скорее кто, – Агафья Тихоновна снова зачерпнула воду плавниками и умылась. Ее кожа, покрывшаяся водой стала блестящей и глянцевой, даже немного зеркальной. Повернувшись к ней, я увидел хоть и размытое, но все же свое отражение.

– Любая капля воды в состоянии показать нам пример, – акула наклонилась к земле и подула на траву, отчего та, затрепетав на ветру, сначала приподнялась вверх, а потом пригнулась к земле, – и любая травинка тоже.

Мы сидели на темно-фиолетовой, в этом освещении, почти черной траве, и каждый думал о своем. Один только дракон, казалось, не был обременен никакими мыслями. Вода пришлась ему по вкусу, и он лежал, окунув голову в озеро. Время от времени дракон делал большой, шумный глоток, после чего тишина опять накрывала нас плотной шапкой размышлений.

Агафья Тихоновна, повернувшись к дракону, плавниками смыла с его морды и тела дорожную пыль. Вода, послушно впитав всю грязь, крупными мутными каплями скатывалась по коже дракона вниз, к земле, где смешиваясь с озерной водой, капли избавлялись от пыли, которая тут же оседала на дно. Капельки влаги, вернув себе кристальную прозрачность, снова становились неотъемлемой частью озера.

Вода упруго колыхалась крупными, невысокими волнами. Вода была едина.

– Человечество вбило себе в голову, если возможно представить себе человечество с одной головой, что только то, что растянуто во Времени – истинно. Годы дружбы, привязанности, и даже годы Любви. Как будто штамп «проверено Временем» есть что ни на есть окончательный и заслуживающий доверия. Нет. Конечно же, нет, – Агафья Тихоновна замотала головой из стороны в сторону, что могло означать только категоричную форму несогласия и продолжила:

– Каждый фотоснимок строго индивидуален и автономен. Он лишь обманчиво связан с другим. Мы путешествуем из снимка в снимок незаметно для себя, пропуская сам момент перехода. Наш мозг предпочитает не замечать этот квантовый скачок, проигрывая в Сознании непрерывную киноленту. Но всегда, слышите, всегда, снимок, погруженный в настоящую Любовь, выпадает из тела Времени. Мало того, любой снимок, погруженный в истинную Любовь, тут же приобретает нужное нам изображение. Он перестает подчиняться выдуманному закону. Он перестает жить в иллюзии.

– И он становится реальным?

– Он становится желанным.

– Но если все что мы видим и чувствуем зародилось в Любви, то любое мгновение, любая точка нашего временного путешествия, не что иное, как воплощение наших желаний?

– И мыслей.

– Значит, то что я думаю, непременно сбудется?

– То, что вы думаете, уже сбылось. И любая ваша мысль, какой бы нелепой она не была – это энергетическое проявление уже существующей материи. Они связаны неразрывно.

– Как что?

– Как дыхание и жизнь.

– И если научиться управлять мыслями...? – я намеренно не закончил фразу.

– Вы научитесь управлять материей, – Агафья Тихоновна кивнула головой, – именно этот процесс так мучительно пытается спрятать Время.

– Ну а ему-то что?

– Время, как и любой живой организм, или организм, ставший живым, – акула многозначительно выпучила глаза, – не заинтересовано в своей преждевременной кончине.

– Время может погибнуть?

– Время и так мертво. Оно бесконечно. Оно неизменно. Оно неподвижно. А то что не изменяется – мертвое. Жизнь – это прежде всего череда изменений.

– Тогда чего оно боится?

– Оно боится умереть в головах людей, ибо только там оно живое и трепетное, только там оно имеет силу. Но развиваясь, человечество неизбежно придет к заключению, что Время – лишь выдуманная им самим иллюзия, которая на определенном этапе очень помогла познанию окружающего Мира и вывела человечество на новый виток. И в этом витке, уже за ненадобностью, Время можно отбросить. Поймите, человечество – как ребенок, играющий в кубики. К пяти годам он должен их сложить в шкаф и выйти на следующий уровень. Из кубиков, конечно, и дальше можно складывать различные слова. Но слово остается словом, и сложив слово «машина», мы не можем тут же сесть на нее и уехать. Нет, нет, – акула покачало головой, – время кубиков для человечества прошло.

– Но если все неизменное – мертво, а Пространство и Время – лишь иллюзии, на изменчивость которых можно не обращать внимание, ибо они, эти изменения, сами иллюзорны, то в каких параметрах тогда изменяется сама Жизнь? Ведь сама Жизнь не может быть мертвой, по своему определению?

– Не может, – Агафья Тихоновна весело кивнула головой, – не может. Но почему вы так уверены что живете?

Она встала с песка и по воздуху подплыла к черной, матовой воде. Немного помолчав, она протянула мне плавник:

– Только идущий осилит дорогу. Пора в путь.

Дракон, лежащий у моих ног, встрепенулся и привстал. Изнутри он продолжал переливаться солнечным светом, и это ему совсем не мешало, скорее подпитывало. Казалось, он чувствовал себя великолепно.

– Кстати, надо дать ему имя, – Агафья Тихоновна смотрела на огромную рептилию, и под ее взглядом, а может и независимо от него, дракон начал уменьшаться, пока не стал размером с небольшую, в метр или полтора, ящерицу. Его внутренний свет сконцентрировался, сжался, и ослепительно просвечивал кожу. С непривычки он резал глаза и мы с Агафьей Тихоновной щурились, но продолжали смотреть.

– Что с ним? – я вышел к воде, на черный берег, придвинулся к акуле и говорил полголоса.

– Ничего особенного. Готовится в путешествие, – Агафья Тихоновна стояла спиной к озеру, вполоборота ко мне, и показывая на дракона плавником, вдруг тихо произнесла:

– В каком-то смысле, он и есть сама Любовь. В чистом виде. Яркий, мощный и непобедимый. И его надо назвать. Дать имя. Тогда он станет еще и настоящий.

– А сейчас он не настоящий?

– Он столь же реален, как и все мы. Но если в дороге вы, совершенно вдруг повстречаете тысячу драконов, то легко отыщете своего, – акула улыбнулась, – а не повстречаете – невелика беда. Имя важно, но суть важнее.

На какое-то мгновение задумавшись, я повернулся к дракону и почти прокричал в пустое пространство:

– Я назову тебя Артак!

Дракон услышал, привстал, оттолкнулся от черной, в инфракрасном свете, планеты, и на секунду затмив своим телом весь небосвод, приземлился мне на плечи, обернувшись вокруг шеи. Он был теплым, этот дракон, мягким и шелковистым.

– Он – твой путь на свою страницу, – Агафья Тихоновна развела плавниками в сторону, охватывая все вокруг, – Когда решишь вернуться – он поможет. Все фотокарточки, связанные с домом и вырванные из твоего альбома Времени внутри него и стоит только пожелать...

– Нет, нет. Еще рано, – я решительно встал и взял акулу за плавник, – ведь зачем-то мы здесь. Надо выяснить зачем, а там уже будет видно. Правильно, Атак?

Где-то в области сердца, драконья голова, свешенная с моего плеча, издала нечто наподобие рыка, что могло означать только решительное и полное, безоговорочное согласие. Я не мог посмотреть ему в глаза, но шеей чувствовал тепло всей Вселенной, вырванной у Времени и заключенной в его мягком и жгучем теле.

Мы молча продолжали стоять на берегу темного пруда, словно в ожидании чего-то важного и настоящего, я держал акулу за плавник, а на моих плечах, словно невесомая шаль, лежала вся человеческая Любовь, весь страх, все действия и бездействия, все мысли и намерения, вся наша Планета с ее единственным, таким ярким и горячим Солнцем. Вся наша Вселенная. Все уже открытое и неизвестное, все изданное и неопубликованное, все прочитанное и продуманное, все идеи и озарения, все поступки и проступки человечества. Все страницы, все фотокарточки из альманаха Времени, длиной в почти 14 миллиардов лет, сейчас имели лишь одну опору – мой скелет, мои мышцы и моя решимость действовать. Мог ли я их подвести?

Небольшой, непонятно откуда взявшийся рюкзак, вместивший все бутылочки с красками, лежавшими на берегу, подлетел ко мне, обхватив за плечи, и застегнулся на большую медную защелку на моей груди. Краски внутри него вели себя тихо и не отсвечивали.

Агафья Тихоновна, наблюдая мое удивление, объяснила:

– Это ваш багаж, – она сделала ударение на слове «ваш», – и вам его нести. Иногда он будет помогать, иногда тяготить, но избавиться от него можно лишь заменив на настоящий луч настоящего Света. Сейчас в рюкзаке эрзац-свет, свет-заменитель. Можно даже сказать – это проекция живого Света, его составные части. Они необходимы до тех пор, пока вы не обнаружите источник Истины, место, где все сделанное и подуманное обретает смысл. Место, где Мысль дружит со Светом. Место где любой вопрос уже отвечен, похоронен и забыт. Место, где Пространство и Время склонятся перед вами в почтительном реверансе, после чего исчезнут навсегда.

– И где это?

– Где? Я не знаю. Но думаю где-то внутри вас, – Агафья Тихоновна замолчала на мгновение, – ведь иногда чтобы дойти до искомой точки внутри необходимо пройти длинную дорогу снаружи.

– Я понимаю.

– Еще бы вы понимаете, – Агафья Тихоновна хмыкнула, – иначе бы вас здесь не было, – она продолжала держать меня под руку и смотреть вперед, в озерную даль, подернутую туманом, затем повернулась и посмотрела прямо в мои глаза. Я выдержал ее взгляд молча, как бы ожидая продолжения. Но ничего не последовало, акула отвернулась и сохраняя молчание кивнула в сторону озера.

– Вы уверены что эта дорога верна? – в воду лезть совсем не хотелось.

– Любая дорога верна. Много дорог ведут на вершину горы, но вид с нее один, – акула подплыла вплотную к озеру и ударила хвостом по водной глади. Вода вздулась и рассыпалась мелкими, матовыми, не пропускающими свет, черными брызгами, – но вы не бойтесь, вам ничего не угрожает. Времени здесь нет, а одна вода, без Времени, никак не сможет вам навредить. Она бессильна. Не бойтесь, – уже мягче повторила Агафья Тихоновна, – человеческий страх иллюзорен, и пока вы не начинаете его испытывать – его нет. Только вы сами способны

пустить его в свое сердце. Или закрыть перед ним дверь. Вы и только вы есть его единственный и полноправный хозяин.

– И что же делать?

– Всего лишь сделать выбор. Стать ветром, гнушим траву. Или травой, гнущейся от ветра.

Я молча кивнул головой и постоял еще мгновение прислушиваясь к внутреннему противоборству, после чего дернул головой, что могло означать лишь принятие решения и сделал первый шаг в воду:

– В путь, – мои слова гулко разнеслись над озерной гладью и вода подернулась мелкой рябью.

Внезапно, одновременно с моим первым шагом, в землю ударила радуга. Внезапно, без всякого дождя и солнца. Без всего того что мы привыкли считать необходимым для образования этого удивительного феномена Природы и человеческого зрения – радуги. Ударила вертикально вниз, как будто кто-то невидимый сверху направил на нас светящий полным спектром мощный фонарик.

Мы с Агафьей Тихоновной, словно повинувшись неслышной команде, подняли головы и застыли наслаждаясь этим неожиданным светом, питались им, глотали его, словно голодный дракон, только что покинувший свой зонт, и наполнялись силой, так необходимой нам для путешествия. Радуга была мощной и плотной, наполненной живой субстанцией – вибрацией еще полностью неизвестного человеку, но уже названного им электромагнитным, поля. Отдельные ее цвета переливались, появлялись и исчезали, вновь исчезали и вновь появлялись, словно невидимый композитор исполнял цветовую симфонию, пользуясь Светом, как музыкальными нотами. Радуга практически не рассеивалась, была вертикальным лучом, впитывалась в наше Сознание, рождала светлые мысли, а в голове звучала музыка. Даже не звучала. Рождалась. Такая реальная и живая. Музыка Света.

Спустя какое-то время радуга начала терять густоту, насыщенность, и достигнув края своего существования, растворилась в Пространстве, но оставшись навеки в наших головах, она продолжала питать воображение, формируя тем самым все наши последующие мысли. Мысли, а значит и действия.

– Вот теперь точно в путь, – я повторил свои же слова, сказанные минуту назад, сжал акулий плавник, который не выпускал все это время и мысленно поблагодарив неизвестного мне создателя радуги, сделал второй шаг в воду.

5

Вода обняла меня за щиколотки, пробежав холодком по коже. Сотни красных, а точнее инфракрасных солнц освещали матовую поверхность озера, но этот Свет не освещал, а грел. Лучи не могли проникнуть сквозь толщу воды и она переливалась всеми оттенками темного. Черный и фиолетовый преобладали.

Первый шаг, нарушивший покой воды, и одновременно с моими словами покрывший рябью все озеро, разорвал водную гладь в разных местах. Разорвал в прямом смысле этого слова. Разорвал глубокой пропастью, отвесной скалой, бездной. Вода рвано расступалась то здесь, то там, и над ее поверхностью появлялись молчаливые фигуры. Фигуры мужчины с рюкзаком на спине и драконом на шее. Мужчины, держащего за плавник большую белую акулу, которая говорила ему что-то, склонившись прямо к его голове.

– Здесь все существует одновременно, помните, – Агафья Тихоновна наклонилась к моему уху и объясняла шепотом, еле слышно, едва касаясь меня губами, – а значит мы уже были и там и там, – она указывала на темные тени по очереди, – или будем, или есть, здесь это совершенно неважно.

– Они реальны?
– Так же как мы с вами.
– А мы реальны?
– Это решать только вам, – Агафья Тихоновна улыбнулась, – реальность – вопрос относительный и вы сами наделены властью назначать реальных и выдуманных персонажей.

Второй шаг скрыл наши ноги, третий разрезал тело по пояс, а четвертый полностью погрузил наши тела в мир, не пропускавший в себя ни единого луча никаких из известных человечеству электромагнитных полей, а попросту говоря – не пропускавший Свет. Только Артак на моей шее продолжал светиться, но как-то тускло – внутренним, матовым, скрытым от других глаз свечением. Еще бы, внутри него была целая Вселенная, целый пожар энергий, включая такое родное и любимое, наше земное, привычное Солнце. Но сейчас Пространство вокруг нас все было новым и непонятным.

Мы медленно продвигались вперед. Шаг. Еще шаг. Свет, исходящий из Артака пробивал толщу воды на расстояние вытянутой руки, но не более того. Агафья Тихоновна, как и подобает рыбе, отпустив мою руку, приняла горизонтальное положение и стала похожа на тысячи других акул. Она немного заплывала вперед, на разведку, и возвращаясь, кивала головой на глубину, оповещая меня о безопасности и приглашая двигаться дальше.

Акулы, в живой природе, не полагаются преимущественно на зрение, они с успехом могут охотиться и выживать и в мутной воде, улавливая вибрации в диапазоне, недоступном человеку, и Агафья Тихоновна использовала свои уникальные для человека рыбы возможности чтобы помочь нам продвигаться в вязкой и теплой, как кисель, жидкости. Мы шли вперед уже достаточно долго. Дно, такое пологое у берега, здесь, на глубине, иногда резко уходило вниз, образуя впадины, обрывы и сопутствующие им водовороты.

– Это озеро поглощает весь видимый свет, – Агафья Тихоновна в очередной раз подплыла ко мне, – впрочем оно поглощает также и невидимый нам спектр – инфракрасный и ультрафиолетовый, радиоволны и гамма излучение. Поглощая, впитывает их энергию и от этого нагревается, – Агафья Тихоновна, между делом, решила объяснить мне высокую температуру жидкости, обволакивающей наши тела.

– Конечно, в мире с сотней солнц, вода не может быть холодной, – я был полностью согласен с акулой, и судя по всему, мое согласие распространялось не только на вопросы, касающиеся температуры озера.

Как ни странно, но вода не препятствовала произношению слов и разговаривать можно было совершенно свободно. Звук акульего голоса доходил до меня без искажений, и отсутствие дыхания никак не сказывалось на моей способности говорить.

– Дышать будете потом, – Агафья Тихоновна рассмеялась, – мы сейчас в отдельном измерении мира, – чувственном, здесь другие правила. Судя по цвету окружающей нас субстанции, а точнее по его отсутствию (ведь черный цвет – это отсутствие Света, не более), мы как раз и проходим человеческие неведение и невежество, игнорирование, тупость, гнев, страсть, злость, привязанности и зависимости, отвращения, чувства мести. Ощущаете, насколько вода густая и вязкая? Она пытается вас остановить чтобы поглотить и растворить.

– Растворить? – я остановился на мгновение и попытался взглянуть акуле прямо в глаза.

– Да, да, конечно, растворить, – Агафья Тихоновна подплыла вплотную ко мне, – именно растворить и оставить здесь навечно. В поглощающих, вязких и плотно укутывающих чувствах. Просто сейчас, в этом озере, все эти разрушающие, я не побоюсь этого слова – уничтожающие чувства приобрели свойства материи. И эта материя обволакивает вас пытаясь оставить здесь навсегда. Так что чего тут не надо делать точно – это останавливаться.

Она посмотрела на меня в упор и повторила уже настойчивее:

– Не останавливаться ни на мгновение.

Я пошевелил ногой и понял что имела в виду Агафья Тихоновна. Дно, незаметно, но уже начало втягивать меня, и мои ноги погрузились в илистую почву почти по щиколотки.

– Что же делать? – я почти кричал, злясь на себя за остановку, – что делать?

– Идти. Не останавливаться ни на секунду. Ни на мгновение. Просто продолжать идти, – акула махнула хвостом, погнав тугую волну и отрезвляющий поток моей же злости ударил меня в лицо, – вы же видите – я двигаюсь постоянно. И это совсем не просто так, потому что мне хочется двигаться. Это по совсем другим причинам, впрочем я только что их озвучила.

– А он? – мой взгляд опустился на Артака, который, не замечая ничего вокруг, пребывал в полном блаженстве, ему тоже надо двигаться?

– Артак в полной безопасности, где бы он не находился. Артак везде дома и везде счастлив, – Агафья Тихоновна торопливо, немного суетясь плыла рядом со мной и вдруг горячо зашептала на ухо, – еще неизвестно что внутри чего. Мы в озере или озеро в нас.

– Как называется это место?

– Никак.

– Никак?

– Не надо называть то что пройдено. Это озеро уже в прошлом. Пусть оно само схоронит своих мертвецов, не давайте им имя. Никогда не называйте то, чего хотите избежать, – Агафья Тихоновна помолчала и добавила, – дав имя этому месту, впрочем, как и любому другому, вы вновь пустите его в свою жизнь.

– Я понимаю, – немного ускорив шаг я вскоре почувствовал небольшую усталость, вода была болотная, трясиная, тягучая и густая, – а отдыхать? Мы не остановимся на привал?

– Нет.

– А если оно бесконечно, это озеро?

– Не бойтесь и не торопитесь. Просто не спеша идите рядом. Знаете, – акула усмехнулась, – человек может идти без конца, если не будет торопиться и напрягаться. Но здесь конец все же будет. И что-то мне подсказывает что уже скоро.

Мы продвигались вперед. Медленно, неторопливо, но смело и уверенно. Дно иногда вздыбливалось и на поверхность поднимались большие круги какого-то газа, как в лавовой лампе, включенной в розетку.

– Что это?

– Ваши чувства и ощущения, – акула была спокойна, – такие как просвет в гневе, или знания из открытой книги, или побеждённая привязанность. Им здесь не место. Они поднимаются вверх.

– И это мои чувства? – я опять чуть было не остановился в изумлении. До меня только сейчас дошло то, о чем мне говорила акула уже битый час.

– Конечно, ваши. А чьи же еще? Это же ваше озеро.

Насколько мог охватить глаз – то здесь то там в ил погружались молчаливые фигуры мужчины с рюкзаком на спине и драконом на шее, держащего за плавник акулу, которая что-то ему говорила.

– В чувственных измерениях свои черные дыры... – только и произнесла Агафья Тихоновна, подплыв сзади к моему уху.

Я оглянулся на нее и увидел что она смотрит в ту же сторону что и я.

Моя нога попала в расщелину и я погрузился в ил почти по пояс. Злость, смешанная с отчаянием, охватила меня как-то сразу, мощно и целиком. Я хватался руками за мягкие, глинистые выступы дна, однако это не приносило видимого результата, даже наоборот, меня затаскивало глубже и сильнее. Крик о помощи вязнул в тягучей жидкости но, казалось, звучал и был слышен только рядом со мной. Я звал Агафью Тихоновну, которая плыла, разведывая

дорогу, где-то впереди, в надежде ухватиться за ее хвост и вырваться из цепких объятий ила, но ее все не было. Отчаяние охватило меня сразу и целиком, как будто меня погрузили в него с головой. Какие-то непонятные, темные желания всплывали в моем сознании. Я пытался освободиться от затягивающего меня ила и песка и барахтался в нем, зарываясь еще глубже. Мне совсем не хотелось опуститься на самое дно пусть даже и своего озера, но озера темных чувств и убеждений. Я уже видел как это сделали сотни скульптурных композиций «мужчина, держащий за плавник акулу с драконом на шее».

– Артак! – я кричал что было сил, внезапно и вовремя сообразив, что даже если вода поглощает все звуковые волны, дракон, находящийся у меня на шее, мог меня услышать и, наверняка, каким-то образом помочь, – Артак! Артак! – я кричал и кричал, не контролируя себя.

Ярость и злость окутали меня плотной простыней черного ила, и уже почти отчаявшись выбраться, я заметил два желтых вертикальных зрачка, смотрящих прямо на меня.

– Тсссссс, – Артак, а это был именно он, приложил когтистую лапу к своей пасти и попытался изобразить на морде нечто вроде улыбки, – тсссссс...

Я перестал кричать, сразу успокоившись. Я услышан, помощь пришла. Артак справится с любой проблемой. Так говорила Агафья Тихоновна, а я ей полностью доверял.

Чувство веры, надежды и умиротворения, откуда-то из глубин ила, поднялось большим воздушным пузырем, который проходя сквозь меня, мгновенным образом освободил мои конечности, позволив всплыть. Я находился внутри воздушного шара спокойствия и безмятежности, потихоньку поднимаясь к поверхности.

– Тсссссс, – Артак закрыл глаза и опять свернувшись вокруг моей шеи счастливо засопел.

– Тсссссс, – повторила Агафья Тихоновна, хвостом разрушив границу между моим воздушным пузырем и темной жидкостью. Она тут же всплыла в образовавшееся отверстие и плавниками, словно строитель, заделала дырку.

Мы барахтались в невесомости спокойного бесстрашия и умиротворения, со всех сторон окруженные злобой и человеческими страстями, поднимаясь все выше и выше.

– Только вы сами были в состоянии себе помочь, – Агафья Тихоновна победно приподняла плавники, – и вы справились! Вы, черт побери, справились! Но подниматься еще рано, надо зафиксировать победу! – она подплыла к латке на воздушном пузыре и ударом плавника разбила стенку.

Я находился в радостно-приподнятом состоянии и, казалось, ничто и никто не может нарушить моего спокойствия. Темная и матовая, болотистая жидкость клокотала около весьма значительной брешы в моем пузыре невесомости, но никак не могла затечь внутрь. Агафья Тихоновна, с удовлетворением отметила это событие, и схватив меня за рюкзак с красками, потянула на самое дно, именно в ту расщелину, где я оступился.

Артак умиротворенно спал и уверенность и благодушный настрой уже не покидали меня. Они стали моими спутниками, такими же реальными, как дракон и Агафья Тихоновна.

Мы погружались все глубже и глубже, пока не достигли настоящего дна. Воздушных пузырей здесь было меньше, чем на поверхности, и сами пузыри были мельче, плотнее и сжатее. Однако меня это совсем не волновало.

Агафья Тихоновна что-то расчищала на дне озера, быстро работая плавниками. Спустя какое-то время я увидел большую белую пробку, похожую на обыкновенную сливную пробку в ванной.

– Ваш выход! – акула указала на пробку и отплыла в сторонку, освобождая мне место.

Я схватил за кольцо и резко дернул. Пробка не поддавалась, но я был настойчив и упершись ногами в скалистое, уже без ила, дно, тянул из всех сил. В какой-то момент мне показа-

лось что пробка немного сдвинулась и начала поддаваться. Я потянул еще сильнее и мой труд был вознагражден – длинно всхлипнув, сливная пробка оказалась у меня в руках.

Жидкость, с громким чавканьем уходила в темное отверстие, образовав большую черную воронку. Акула подхватила меня на спину и, быстро двигаясь в черной жиже, отплыла на безопасное расстояние. Мутная черная вода уносилась через скалистое дно неизвестно куда, а нас охватывали все укрепляющиеся ощущения радости и счастья. Сотни инфракрасных солнц опять сияли над нашими головами, и если отвлечься от того что это был купол моего зонта, пейзаж был очень впечатляющий.

– А что это? – я показывал на скалы, покрывающие дно.

– Карма. Отвердевшая и поэтому неотвратимая, – Агафья Тихоновна задумчиво смотрела на камни, – ваши мысли и чувства, накладываясь друг на друга, под большим давлением толщи воды, формируют скальную породу, прессуют ее, и слой за слоем вырисовывают ваш личный рисунок. Необходимо приложить много сил чтобы изменить эту картину.

– Много сил? Что надо делать?

– В человеческом понимании работы – со скалой ничего не сделаешь. Отбойный молоток тут не помощник. Дно может выровняться и подобные озера высохнут сами, растворившись в ваших деяниях. Испарившись от тепла ваших мыслей. Странно, но даже спокойное и невозмутимое созерцание чувственных озер очищает и фильтрует воду. И наоборот. Испытания, которые оказались вам не под силу, невыполненные обещания, долги, переживания и тревоги, все это накладывается друг на друга, отвердевая и формируя донья ваших озер. Но никуда не денешься и это обязательная часть пути.

– А что под дном? Куда ушла вода?

– Этого нам не дано знать, – отрезала акула, отвернувшись и давая понять что не хочет продолжать разговор на эту тему.

– Артак! – я наклонил голову, и поймав взгляд из только что приоткрывшегося глаза дракона, спросил, – что внизу? Куда ушла вода?

Артак, расправив крылья, подлетел к открытому отверстию, и заглянул внутрь, как бы приглашая меня сделать тоже самое. Труба, в которую без труда смог бы пролезть человек, уходила куда-то глубоко и конца ее не было видно.

– Так то же там? – я вопросительно переводил взгляд с акулы на дракона.

Агафья Тихоновна нехотя подплыла к нам и тихо, с опаской оглядываясь по сторонам, сказала:

– Время. То самое Время, которое человек наделил всеми известными вам полномочиями, исходя из ваших мыслей и поступков, формирует основание скал на дне чувственных озер.

– И нам туда?

– Нет, нет. Достаточно иллюзий. Нам только вперед и никак не вниз. Поймать Время, осветить его мнимую реальность и вывести на чистую воду, можно лишь обладая настоящим, живым Светом. Точнее его скоростью, – акула запнулась, потом подумала и повторила:

– Да, именно его скоростью, какой бы она ни оказалась. Так что нам вперед, – Агафья Тихоновна быстро переглянулась с драконом и взяв меня за руку, отвела подальше от дыры.

Артак вдохнул полные легкие воздуха, и выдыхая, огнем запаял зияющую чернотой дыру.

– Так надо, – акула вздохнула, – Время, попавшее в чувственное измерение, разрушит его.

– Разрушит ненависть и боль, гнев и привязанность? Злость, чувство мести? Разрушит отращение? Все что было в этом озере?

– Да. И их тоже. И без них, как и без всего остального, Мир станет неполным.

Огонь из пасти дракона растопил донный камень. Скала плавилась и горячая лава текла вглубь трубы, застывая на ее стенках. Спустя минуту или две все было в прошлом. На месте отверстия слои еще расплавленной лавы, остывая, образовали причудливую застывшую фигуру.

– Значит мои темные чувства и переживания, мое темное чувственное озеро, поглотило само Время?

– Конечно.

Я молча смотрел на Агафью Тихоновну, ожидая продолжения.

– Времени необходима Энергия, чтобы существовать, и оно берет ее из человеческих чувств, мыслей и слов.

– Только человеческих?

– Более ни один биологический вид на Земле не подпитывает эту иллюзию, поскольку не знает о существовании Времени, как такового. Та что только человек в состоянии прокормить Время.

– Я понимаю. Время перемалывает все что попадает на его пути. Оно питается им. И хорошим и плохим. Ничто не вечно в человеческой жизни.

– Да, – только и произнесла Агафья Тихоновна, – в человеческой жизни – да.

Мы сидели втроем на каменном выступе, наконец-то позволив себе передышку. Агафья Тихоновна, опершись на хвост и положив плавники на одну из скал, отдыхала с полужакрытыми глазами, Артак, спрыгнув с моей шеи, подставил брюхо солнечным, инфракрасным, а от этого еще более теплым потокам света, а я просто наблюдал за происходящим.

Есть не хотелось, пить не хотелось, дыхание отсутствовало. Ничего не изменилось в зонтичном мире сотни красных светил.

Сбросив со спины рюкзак с красками и достав несколько разноцветных бутылочек, я расставил их в известной последовательности, запомнившейся мне еще со школы, по фразе «каждый охотник желает знать где сидит фазан», начав с красного и закончив фиолетовым.

Краски отличались по температуре и консистенции. Красная была более теплой, оранжевая немного холоднее, потом желтая и все остальные цвета. Синий и фиолетовый завершали температурную палитру и были много холоднее моего тела. Они же были и наиболее густыми и тягучими.

Я открыл бутылочку с красным цветом, помнив о том что это наиболее распространенный краситель и засунул палец внутрь. Он погрузился в теплую и водянистую субстанцию, полностью скрывшись из вида. Достав палец, я рассмотрел его, понюхал и, не найдя ничего особенного или интересного, вытер краску об близлежащий камень.

Оглянувшись на моих спутников, я заметил что Агафья Тихоновна исподтишка наблюдает за мной, и Артак, продолжая нежиться в инфракрасном излучении, тоже время от времени с интересом посматривает в мою сторону.

Краска, оказавшись на камне, быстро затвердела и покрыла гранит твердым слоем красного. Подождав немного, я взял бутылку с оранжевой краской и проделал те же манипуляции. Оранжевый, не растворяя красный, покрыл его своим цветом, образуя нечто наподобие цветной ступеньки. Желтая ступенька, далее зеленая, голубая, синяя, и вот я уже держу в руках бутылочку фиолетовой краски, готовый нанести последний слой нарисованной радуги, и представляя себя пещерным человеком, впервые занимающимся наскальной живописью.

Мазок фиолетового сверху изменил мой рисунок до неузнаваемости. Краски, уже твердые и, казалось бы, полностью застывшие, вдруг начали пузыриться, смешиваться, бурлить. Еще мгновение и вспышка ослепительного Света полностью затмила сотню зонтичных солнц,

заставив нас закрыть глаза. Волна тепла и какой-то Энергии прошла сквозь мое тело, однако нисколько не повредив и не нарушив его.

Немного погодя, как только смог, я приоткрыл один глаз, и еще не понимая, что натворил, осмотрелся. Артак и Агафья Тихоновна были рядом и тоже в изумлении оглядывались по сторонам. Вокруг, куда ни глянь, простирался гладкий и теплый грунт. То здесь то там пробивалась трава, которую освещали все те же сотни инфракрасных солнц. Дно моего озера, скалистое еще мгновение назад, с уступами и впадинами, с горными хребтами, огромными валунами и разбросанными то здесь то там камнями, превратилось в ровную и мягкую, словно недавно вспаханную землю. Взяв горсть земли, я поднес ее к лицу, помял в руках, и убедился что это был настоящий чернозем – благодарная и жирная почва. Внизу, прямо около моих ног рос подорожник, умело подставляя крупные листья падающему на него свету.

Я в изумлении, не в силах вымолвить ни слова, уставился на своих спутников, которые, казалось, были поражены не менее моего. Артак, посмотрев мне в глаза, подмахнул крылом, и мы с Агафьей Тихоновной оказались к него на спине. С силой оттолкнувшись от земли, он взмыл ввысь, выбрав своим ориентиром одно из солнц. Его тело многократно увеличившись в размерах продолжало светиться изнутри, как еще одна, живая и яркая звезда. Поднявшись высоко над полем мы осмотрелись еще раз. Вокруг, сколько хватало глаз, было ровно и тепло. Свет заливал луга и поля, предоставляя растениям необходимую для роста Энергию.

Артак, сделав еще парочку кругов, аккуратно приземлился у того самого листа подорожника, который я заметил первым, нисколько не повредив его.

– Вот это взрыв! – Агафья Тихоновна соскользнула со спины дракона и снизу протянула мне плавники, приглашая спуститься, – да, велика сила чистого Света!

– Это сделал Свет? – я еще раз оглянулся. Меня переполняла необъяснимая, а от этого еще более ценная радость, она выплескивалась наружу мощными волнами, озаряя Пространство не хуже сотни купольных солнц.

– Да. Это сделал Свет. Самая мощная Энергия в нашей Вселенной.

– Так быстро?

– Там где есть Свет, Время теряет свою силу. Свет, с его скоростью, – она хмыкнула, как делала всегда, когда речь заходила о скорости Света, и продолжила:

– Свет с его скоростью в состоянии даже обогнать мысль, ну а Время... Свет останавливает Время полностью и навсегда.

– Разрушить озеро оказалось так просто, – я был очень удивлен.

– Просто? – Агафья Тихоновна засмеялась, – просто? – смеясь, она повторяла одно и то же слово, – сначала вспомните, сколько времени и сил мы потратили собирая краски. И заодно подумайте из чего они состоят, – акула продолжала смеяться, – ну что, вспомнили?

Я нерешительно поднял глаза на акулу, пытаюсь понять что она имела в виду, и понимание, внезапно опустилось на меня, словно окатив водяным ливнем:

– Из книг. Они состоят из книг! – я радовался как ребенок, которому подарили радиоуправляемый вертолет, – из книг, прочитанных мной!

– Из ваших книг и ваших чувств. И вы до сих пор считаете что это просто? – Агафья Тихоновна улыбалась всей пастью, – и сколько времени у вас заняла эта простая и быстрая вещь?

Я перестал прыгать и не мигая смотрел на акулу.

– 41 год, – автоматически подпрыгнув еще раз я неподвижно застыл и промолвил:

– Всю жизнь. Всю мою жизнь.

– То-то же! – акула удовлетворенно кивнула, – то-то же, – она легла на теплую землю и закрыла глаза, – неужели вы думаете что за всю жизнь вы не накопили достаточно Энергии чтобы развалить дно какого-то жалкого озера?

Я смотрел на акулу и чувствовал что она что-то не договаривает. Но эта мысль прошла так же внезапно, как и появилась, и спустя несколько минут я попросил Агафью Тихоновну:

– Расскажите мне о Времени. Все что вам известно.

Артак, услышав мои слова, мысленно присоединился к нам. После полета над полем, в которое превратилось черное озеро, он снова уменьшился и лежал рядом, напоминая достаточно крупную, но все же ящерицу, а не дракона.

Агафья Тихоновна посмотрела на меня без тени удивления, словно ждала этот вопрос, и сказала:

– О Времени вам лучше меня может рассказать его создатель. Тот, кто вдохнул в него жизнь. Тот, кто дал ему власть над собой. Вы понимаете кого я имею в виду? – акула не ждала ответа, – конечно же, это человек. Человек, – повторила она, – да и вы сами знаете больше любой акулы, – Агафья Тихоновна улыбнулась.

– И все же...

– Время – живое, пластичное и гибкое, для каждого свое, – акула усмехнулась, – Время настолько многообразно что для каждого отдельного человека формирует свой отдельный слой. И каждый человек является хозяином своего слоя Времени. И уж никак не наоборот.

– И где прячется мое время? Лично мое? Я могу его положить в рюкзак вместе с красками и расходовать по своему желанию?

– Конечно. Если у тебя есть такое желание, то можешь, – акула повернулась к Артаку и обратившись к нему сказала, – покажи ему.

Артак лапами расчистил от верхнего слоя земли небольшую площадку, после чего начал увеличиваться. Он рос и рос, пока его тело не затмило добрую половину небосвода. Приблизив свои желтые, с вертикальным зрачком глаза к земле, дракон внимательно смотрел на грунт, будто что то выискивая. Из его глаз, с каждым мгновением набирая силу и плотность, вырвались лучи желтого, как наше Солнце света. Они плавил почву, почва клокотала под его взглядом, бурлила, и нехотя, но все же расступалась. Тело дракона опять заблестало внутренним Светом, который пробивался сквозь толстую шкуру, оно, его тело, становилось ярче, красочнее, интенсивнее и насыщеннее.

– Солнце внутри Артака дает ему достаточно Энергии для всего, – Агафья Тихоновна гордо и с восхищением смотрела на дракона, – а в этом, чувственном измерении, для нас Время отсутствует, поэтому чтобы его найти, мы должны воспользоваться инструментами более привычных нам миров.

Постепенно, под напором концентрированных солнечных лучей, льющихся из глаз дракона, земля расступилась, образовав длинное и узкое отверстие. Агафья Тихоновна, где-то достав веревку с небольшим ведерцем на конце тут же опустила его в трубу, быстро разматывая моток. Судя по всему, она собиралась зачерпнуть немного Времени и поднять его на поверхность.

– А почему мы не сделали этого раньше, используя дыру с пробкой, в которую утекло озеро? – я хотел понять причины наших действий, – ведь это было бы намного удобнее.

– И что мы там могли зачерпнуть, кроме ненависти и страха? Подводные чувственные озера – далеко не редкость, – размотав клубок до конца, Агафья Тихоновна дергала за веревку вверх-вниз, пытаясь определить наполнилась ли посудина, – а сейчас там уже все перемешалось и мы получим полноценную субстанцию, не перегруженную никаким негативом.

Артак молча наблюдал за нашими действиями, внимательно прислушиваясь к словам. И скорее всего, к мыслям.

– Но основная причина все же не в этом, – акула уже поднимала ведерце вверх, стараясь не расплескать содержимое, – основная причина в вашем желании. Только сейчас вы выразили желание познакомиться с Временем поближе, и набрав его ранее, мы совершили бы преждевременный и необдуманный поступок. Никогда не следует торопиться, – Агафья Тихоновна

опять стала похожа на учительницу, – тем более в таком важном и нестабильном деле, как поимка Времени.

Она подняла на поверхность ведро, которое внутри оказалось разделенным на две части. В обеих частях была дымящаяся субстанция сероватого цвета, и Агафья Тихоновна, ловко орудуя плавниками, быстро перелила каждую часть в отдельную бутылочку, плотно закупорив бутылочки крышками.

Достав, как обычно, из-за спины бумажные этикетки, она подписала их, и наклеила на посудыны.

– Чтоб не перепутать, – объяснила акула и подмигнула дракону.

– «Мгновения», – прочитал я на одной из бутылочек. На второй этикетке красовалась надпись «Вечности».

– Мгновения и вечности? Это что?

– Два самых серьезных оружия Времени, – акула подчеркнула, – минуты и даже секунды – ничто по сравнению с нестабильными мгновениями и их противоположностью – густой и неподвижной вечностью. Любая секунда на самом деле состоит из бесконечного числа мгновений. Именно бесконечного. Цифрой не выразить. Если вы скажете – единица с миллиардом нулей, то я с легкостью добавлю еще сотню, другую мгновений. Конечного числа просто нет.

– А вечности?

– И вечности тоже, – немного помолчав, добавила Агафья Тихоновна, – вечности включают в себя часы, минуты, столетия и миллениумы, но разобравшись, понимаешь что вечности состоят из тех же мгновений. Впрочем, даже некоторые мгновения иногда вмещают в себя пару-тройку вечностей.

– Получается что это одно и тоже?

– Получается что так, и именно поэтому мы подписали бутылочки, чтоб не перепутать в нужный момент.

Хитрая акула явно чего-то не договаривала. А может и не знала сама.

– Думаю, теперь мы действительно заслужили отдых, – Агафья Тихоновна, откуда-то из-за спины достала палатку (уже собранную), уже горящий костер и красивую подстилку для Артака. Она установила все на земле и жестом пригласила нас располагаться.

Я залез внутрь, устроился покомфортнее и, высунув голову из палатки, убедился что все устроилось удобно. Артак лежал на ковровой подстилке и положив голову на передние лапы с интересом посматривал на костер. Акула следила за огнем, подбрасывая невесть откуда бравшиеся дрова.

– А где вы нашли палатку? Откуда огонь? Дрова? Тут же ничего не было!

– Я уже устала повторять, что этом мире нет Времени. Кроме, конечно, той его части, что крепко-накрепко закупорена у нас в бутылочках, – Агафья Тихоновна объясняла мне, как объясняют невнимательному ученику, – а что это значит для нас? – она смотрела в мою сторону и ждала ответа.

– То что мы не стареем?

– Это само собой. Но есть еще один нюанс. В мире где нет Времени все существует одновременно. Сразу. И везде. Поэтому я просто беру то что мне нужно в любом месте Пространства.

– Ого! Если я правильно понял, то в любой точке есть сразу всё всё всё?

– Да. Именно так. Никак иначе просто не может быть.

– Почему мы не видим этого?

– Человеческий мозг показывает вам только то что считает нужным. То что вы видите, не является объективной реальностью, это лишь ваша собственная реальность, смоделированная

вашим мозгом. И он, моделируя ее, исходил исключительно из своего опыта, знаний и желаний. Из того, что по его разумению может быть, а что – нет.

– Кто – он?

– Мозг. – Агафья Тихоновна подбросила в костер полено, выхватив его прямо из воздуха, – ваш мозг.

– И я так могу? – манипуляции с дровами для костра заворачивали.

– Конечно. Но для этого вам надо скинуть с себя обусловленность. Ваш мозг точно знает что воздух не горит, а мой – нет, мой не знает, – акула повела плавником слева направо, и воображаемая линия тут же загорелась, весело и сухо потрескивая.

– Ничего себе, – я в изумлении уставился на горящий зигзаг, не зная что сказать.

– Ваш мозг также точно знает что, например, металлическая наковальня тоже не горит, – Агафья Тихоновна достала из-за спины тяжелую чугунную наковальню и каким-то образом подпалила ее, – и уж тем более, наковальня не висит в воздухе просто так, – она подвесила кузницу рядом с горящей линией и засмеялась.

– Как? Подождите, но как? – я был поражен, но находился от происходящего в восторге, – как вам удастся?

– А теперь они горят вместе, – Агафья Тихоновна придвинула наковальню к линии, – а сейчас тухнут и исчезают, – она повела плавником и все исчезло, – ваш мозг точно знает что этого не может быть, поэтому просто не показывает вам всего что видит. Из всего многообразия, из бесконечного числа вариантов, он выбирает только то, что по его пониманию, может оказаться реальностью. Остальное он вычеркивает, как выдумки и фантазии.

– А ваш мозг?

– Какой с меня спрос? – Агафья Тихоновна улыбалась, явно довольная произведённым на меня эффектом, – я всего лишь сказочный персонаж. Фантазия.

– И я могу всему этому научиться? Но как?

– А вот для этого вам надо попасть в сказку, – акула посерьезнела, – то есть, в объективную реальность.

– Объективная реальность и есть сказка?

– Она просто есть. Она существует. Это единственное во Вселенной что можно описать одним-единственным глаголом. Для всего остального следует употреблять имена существительные.

– Каким глаголом?

– Быть.

– Быть?

– Быть! – Агафья Тихоновна погладила меня плавником по голове и добавила, – именно быть. Вот так просто.

Некоторое время мы просто молчали, слушая треск огня и наблюдая за причудливыми узорами пламени. Спустя некоторое время я попросил:

– Расскажите мне еще о Времени. Все что вы знаете.

Акула некоторое время молчала, подкладывая в костер поленища, и наконец, повернулась ко мне:

– Для серьезного разговора вам необходимо определить фундамент, на который мы будем опираться, – она подбирала нужные слова, пробуя их на вкус, – ведь человечество погрязло в суете. И в этой суете оно проходит мимо действительно важных вещей. А действительно важное никогда не бывает суетливым или суматошным. Действительно важное никогда не будет от вас требовать быстрых, необдуманных действий, – она немного подумала, – да что там говорить, быстрых, но обдуманных действий оно не потребует тоже. Действительно важное всегда рядом с вами, если хотите, внутри вас. И, следовательно, вы ничего не можете упустить или прошляпить, даже если будете просто сидеть, никуда не торопясь, натянув эту самую шляпу на

голову и закрыв глаза, находясь в молчании и одиночестве. Вам надо найти именно нечто такое. Фундаментальное и основательное. Базовое, можно сказать. Найти, определить, выразить словами и использовать как основу. Ошибиться нельзя, – Агафья Тихоновна развела плавники в сторону и подытожила:

– Суетливые, взбалмошные вещи не могут быть фундаментом, иначе ваша постройка завалится как карточный домик.

– Что будет если мы допустим ошибку?

– Ошибка на стройке всегда приводит к разрушению конструкции, какой бы прочной она не казалась с виду. Одна единственная ошибка в фундаменте неизбежно приведет к двум ошибкам на первом этаже, к четырем на втором, восьми на третьем, шестнадцати на четвертом и так далее. На 10 этаже единственный фундаментальный просчет обернется тысячью ошибок, а на 20-ом их число возрастет до более чем миллиона! – Агафья Тихоновна считала в уме, быстро нашептывая себе под нос все увеличивавшиеся цифры, – смотря какой этажности дом вы хотите построить. Пара этажей смогут вытерпеть ваше невежество, но небоскреб построить не удастся. Если основа дома заложена с нарушением технологии, рано или поздно дом завалится. И в данном случае лучше раньше чем позже.

– Почему?

– Потому что если он завалится сразу после начала строительства, в него еще не успеют заселиться люди, – Агафья Тихоновна улыбнулась и постучала себя плавником по лбу, – а если люди уже заселились, – она еще раз выразительно постучала себя по голове, – то жди беды.

– Какой?

– Люди в своем большинстве всегда стремятся подмять, подтасовать факты под свою личную, собственную теорию, под рассуждения, которые они исповедают. Факты сначала спорят, но, в конце концов, плотно укладываются в нагромождении ложных заключений, и даже, – акула повернула голову набекрень, – если глянуть искоса, начинают их подтверждать. Но ложь от этого не становится правдой, и рано или поздно здание, построенное на непрочном фундаменте, рухнет.

– Время все расставит на свои места.

– Нет, что вы! Время радуется каждой ошибке, ибо само по себе является искусственным нагромождением ложных выводов и исследований, построенных на одной-единственной ошибке в фундаменте – принятии Времени как такового. И с каждым торжеством правды и постройкой нового, прочного и верного фундамента, оно само рискует исчезнуть в клубах пыли. Исчезнуть навсегда, как это бывает при сносе дома.

– Но есть же какие-то незыблемые научные аксиомы, на которые опираются величайшие умы человечества, продвигающие науку вперед?

– Конечно, есть, только так ли они незыблемы, эти аксиомы? В средние века Землю считали центром Вселенной и это было ох как незыблемо и нерушимо. Только в 1543 году математик и астроном Николай Коперник в своей книге «О вращении небесных тел» впервые описал то, что сейчас известно любому школьнику. И спустя 60 лет, уже после изобретения телескопа, Галилео Галилей подтвердил учение Коперника, доказав что Земля вращается вокруг Солнца, а никак не наоборот, – Агафья Тихоновна повернулась к дракону и, почему-то обращаясь к нему, продолжила, – однако много раньше, еще за 300 лет до нашей эры, греческий философ Платон утверждал что помещать Землю в центр Вселенной неверно, а астроном Аристарх из Самоса считал что не звезды вращаются вокруг Земли, а она сама вращается вокруг своей оси, – акула потрепала дракона за ухом и продолжила, – к тому же Аристарх был убежден что Земля описывает путь вокруг Солнца.

Артак негромким рычанием и движением головы выражал полное согласие с Агафьей Тихоновной. Казалось что если бы он мог заговорить, то добавил бы много интересного к фактам из средневековья.

– Однако современники Платона и Аристарха не разделяли их точку зрения. Человечество еще не знало о силе тяготения и не могло себе представить, чтобы люди вместе с Землей, иногда вверх тормашками, неслись на невероятной скорости в космическом пространстве, – Агафья Тихоновна вновь повернулась ко мне, и напоминая с чего начался наш разговор, произнесла:

– Вот вам только один пример незыблемых научных аксиом! Не бывает ничего настолько нерушимого и настолько верного, чтоб доверять этому безоговорочно, каким бы непоколебимым и несокрушимым не казалось на первый взгляд это что бы то ни было. И только величайшие умы человечества находят в себе смелость признать это, – акула утвердительно кивнула, – и вам предстоит. Никуда от этого не деться.

Я был в растерянности. Мне предстояло выбрать нечто базовое, фундаментальное в собственной жизни. Выбрать основу на которой можно будет выстроить небоскреб. На меньшее я не согласен. Цена ошибки была очень высока и я задумался, крепко обхватив голову руками.

– И что это?

– Подумайте сами. Что вы можете использовать как фундамент? Есть в вашей жизни что-то незыблемое, нерушимое? – Агафья Тихоновна произнесла последние слова с явной иронией.

– Я не знаю. Возможно, воздух? Вода?

– Возможно. Но все же, это должно быть какое-то чувство, а не материальная субстанция, – Агафья Тихоновна развела плавники, показывая вокруг, – мы сейчас в чувственном измерении, где чувства являются основой основ. Вслед за чувствами идут мысли, слова, рассуждения, а только потом действия и, наконец, результат, который впоследствии и проявляется в материальной Вселенной. Ошибкой будет считать, что наши действия, или даже мысли приводят к результату. Нет, – Агафья Тихоновна покачала головой, – нет, и еще раз нет. К результату приводят наши чувства. Научитесь чувствовать то что вы хотите и можете больше не работать ни дня.

– Чувствовать? – я закрыл глаза и представил мир, где все чувства тут же обретали материю.

– Да, просто чувствовать. Вселенная, медленно, со скрипом, развернется в вашу сторону именно тем своим боком, который вы научились ощущать. Остановить этот процесс невозможно, его можно только принять как данность. Принять, осознавая себя творцом. И наделяя себя полномочиями того, кого люди называют Богом.

Агафья Тихоновна говорила не торопясь, иногда останавливалась и задумчиво смотрела в одну точку. На огонь. Точнее на какую-то точку внутри огня.

– Жизнь прекрасна в любом ее проявлении, но всегда, вы слышите, всегда, она является лишь отражением вашего внутреннего, чувственного мира. Четким и безукоризненно выполненным отражением. И это отражение буднично и бессрочно, без передышки и без усталости, в любое время будет демонстрировать вам то, во что вы верите. То, что ощущаете. То, о чем думаете. То, что строите. Исключений нет.

– А у него? – я кивнул в сторону Артака.

– У него?

– Да, что его ждет?

– Путешествия и старость. Созерцание. Он посеял свои чувства и взрастил желаемое. Это большой труд. Сложнее чем вырастить дерево или построить дом.

– Сложнее чем дом?

– Дома тоже состоят из наших мыслей и чувств... – Агафья Тихоновна усмехнулась как бы про себя.

– Артак был человеком?

– Атомы из которых состоит любой из нас много раз меняли своего хозяина. Возможно в вашем теле есть горсть или две атомов и молекул, из которых состоял, например, любимый

вами, Сенека. Или тот же Сократ. Или Платон. А ваш зонт, ставший драконом, возможно, вмещает в себя пару атомов Адольфа Гитлера или Людовика XIV, нам не дано знать точно. С момента так называемого Большого Взрыва, – акула почему-то весело рассмеялась, – в Природе не появилось и не исчезло ни одного атома. И, в конце концов, все мы состоим из взорвавшихся звезд, – Агафья Тихоновна кивнула на наши тела, – если говорить о теле, конечно.

Она потрепала Артака за шею и произнесла:

– Возможно, Артак уже был великим полководцем или выдающимся физиком. Возможно, он открывал новые земли на нашей планете или, того больше, новые планеты и галактики во Вселенной. А то что мы видим перед собой сейчас – его осознанный, ну или не очень, выбор. Как я уже говорила, он посеял свои чувства и взрастил желаемое.

– Он пожелал стать зонтом? Или драконом? Так получается?

– Возможно и так, а возможно и совсем по-другому, – акула усмехнулась, – отдельный человек, впрочем как и все человечество, почему-то считает что чувствами нельзя управлять. Лишь единицы пытаются это делать, и надо сказать, небезуспешно. Поэтому, мы не знаем, сам он выбрал стать драконом или Департамент Чувственных Реализаций сделал это за него, исходя из его же чувств мироощущения и зрелости. Но мы знаем точно – ни одно чувство не проходит незамеченным или неучтенным. Каждая мелочь, каждое мгновение в ощущениях и переживаниях, каждая человеческая эмоция реализуется в полном объеме. И эта теперешняя его оболочка – оболочка дракона – только явно и ясно выражает суть того чем или кем он был. Кстати, вы знаете что драконы – священные животные? Да, драконы – существа высшего порядка. Однако их святость проявляется не в поклонении им какого-то количества людей, и даже не в способности творить чудеса, на которые эти люди так падки. Их святость – уровнем гораздо выше. Их святость – внутренняя, построенная на правильно выбранном фундаменте. Вполне возможно, они поэтому и вымерли, а если быть точной – то просто перестали являться людям.

– Так драконы существуют на самом деле?

– Конечно, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – конечно, существуют. Только они и существуют в действительности. А вы пока еще нет. Не существуете. И неизвестно, будете ли существовать.

– Хм. Но почему тогда они перестали показываться нам, людям? Ведь они могли бы помочь человечеству перейти на новый уровень.

– Почему они перестали показываться людям? – акула повторила мой вопрос, – да все очень просто. Несоответствие их внутреннего Мира и Мира людей настолько велико, что оно их ранит. Сильно ранит. И даже иногда убивает.

– Даже так!

– Да, – Агафья Тихоновна кивнула головой, – поэтому с самых давних пор драконы являются только тем людям, чей внутренний Мир не может им навредить.

– И я – один из них?

Акула рассмеялась и быстро переглянулась с Артаком.

– Да. Вы – один из таких людей. А когда вы сможете определить свой личный, нерушимый фундамент и выстроите на нем крепкое здание – вы можете стать и одним из них, – она кивнула на лежащего дракона.

– Я могу стать драконом?

– Вы можете стать высшим существом, – просто ответила акула, – а уж кем конкретно – мне неизвестно.

– Высшим существом, то есть драконом? – я продолжал настаивать на ответе.

– Вам решать, – Агафья Тихоновна говорила загадками, – только вам и Никому более. Никому кроме вас.

– Вот это да! Никто тоже решает? Вот это да! И для того чтобы продвинуться вперед, я должен определить фундамент? Какое чувство для меня является основным?

– Даже не основным, потому что так не бывает. Не основным, а желанным. То чувство, испытывая которое вы понимаете что вы дома. То чувство, которое наполняет вас спокойствием и умиротворением. Ведь дом – это не там где вы живете. Дом – это там, откуда не хочется бежать.

– Мне не хочется бежать из этой палатки. Получается – это мой дом?

– Сейчас – да.

– А потом?

– А потом – другой. И этот другой уже формируется из того что и как вы чувствуете сейчас. Мир не останавливается ни на одно мгновение. Двери нового дома уже открыты и ждут вас.

Агафья Тихоновна пошерудила в огне массивной чугунной кочергой, которую взяла уже понятно откуда, и продолжила:

– Человеческий мозг слаб. Мир вокруг нас гораздо разнообразнее чем нам пытаются показать. Всё и везде существует одновременно. И Пространство с Временем – лишь миф, созданный человечеством в начале своего развития и осознания себя разумными. Однако, надо признать, что концепция и Пространства и Времени позволяет много объяснить простыми и понятными словами. Всё происходит не везде – потому что есть расстояние, то бишь Пространство, и все происходит не сразу, потому что есть Время. Просто и со вкусом. Но это не совсем так. Всё что есть во Вселенной – есть одновременно и есть в любой точке Пространства.

– Но если всё есть в любой точке, то и любая точка находится везде! А это значит... Подождите... Это значит что все существующее Пространство сконцентрировано в одной точке? Так что ли? – я немного оторопел от неожиданного открытия и смотрел на Агафью Тихоновну в ожидании.

– В одной точке, – повторила акула задумчиво, – в одной точке... А если принять во внимание, что сама эта точка не имеет ни длины, ни высоты и ни ширины, то...

– То само Пространство – не более чем миф...

– Хм, – акула прищурилась, – вы очень хороший ученик. Я бы даже сказала – замечательный ученик! Но давайте не будем забегать вперед. Покончим сначала со Временем, – она помолчала, вспоминая о чем конкретно шел разговор, – так вот, люди не в состоянии узреть всё и сразу. Поэтому мозг нам показывает картинку за картинкой. Как в фильме. И это длится до тех самых пор, пока тело не развалится и его атомы не будут использовать другой соискатель.

– Соискатель?

– Да. Соискатель. Ученик. Абитуриент. Тот, кто пришел сюда учиться.

– Как он может использовать его атомы?

– Как строительный материал, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – повторюсь, со времени так называемого Большого Взрыва во Вселенной не появилось и не исчезло ни одного атома. Мы все состоим из друг друга. Ныне живущие из ранее живших. И так далее.

– Мне кажется я понимаю.

– Еще бы. Вы понимаете. Но это Понимание – ничто, по сравнению с тем что вам еще предстоит понять, – акула вздохнула глубоко, но не тяжело, и добавила, – или просто принять, если ваше Понимание вдруг взбунтуется и откажется воспринимать правду...

– Понимание может так поступить со мной?

– Все возможно, – произнесла большая белая акула и замолчала.

– Расскажите мне о Времени. Все что вы знаете, – снова попросил я, глядя в упор на Агафью Тихоновну.

Немного поразмышляв она начала свой рассказ:

– ВРЕМЯ. Наверное, люди очень ценят эту не до конца понятную мне субстанцию, раз так сожалеют о нехватке времени или о попусту затраченном времени. В этом надо разобраться основательно, – она придвинулась ближе к костру и продолжила:

– Люди считают, что время однородно, линейно и движется только в одну сторону – из прошлого в будущее через настоящее. Будущего нет – но оно наступает каждое мгновение, становясь настоящим и в тоже мгновение превращается в прошлое. То есть между «нет уже» и «нет еще» лежит единственно присутствующая и вечно отсутствующая временная зона, называемая «теперь».

Современные люди считают время сырьем, которое человек получает бесплатно, и из которого должен извлечь как можно больше прибыли, выражаемой в деньгах, и во всем, что на них можно купить. Тот, кто зря тратит время – дурак или даже преступник: он ворует сам у себя. В понимании современного человечества и время и деньги тесно связаны, и имеют своего рода метафизическую ценность: наличие денег и отсутствие времени показывают востребованность индивидуума и придает жизни смысл, и, наоборот, отсутствие средств и наличие времени характеризуют человека отрицательно, как ненашедшего себя в жизни. Формула «время – деньги» очень широко распространена в современном обществе.

Агафья Тихоновна шумно вздохнула, как бы осуждая современное общество, и продолжила:

– В различных религиях понятие времени рассматривается, как нечто божественное, бесконечное, высшего порядка, неизменное и непостижимое человеческим разумом. Хотя, в христианстве, например, время заканчивается Страшным судом. После него наступает ВЕЧНОСТЬ. Она ни была, ни будет, она только есть. В вечном нет ни проходящего, ни будущего. В вечности нет изменчивости и нет промежутков времени, так как промежутки времени состоят из прошедших и будущих изменений предметов. Вечность – Мир, где всё раз и навсегда. Однажды и навечно.

Агафья Тихоновна сделала небольшую паузу и посмотрела на меня, словно хотела убедиться что я понимаю всё о чем она говорит. Видимо, она ждала моей реакции и я просто кивнул головой. Акула продолжила:

– В буддизме время не имеет ни начала, ни конца. Всегда были и будут перемены, которые могут быть обозначены как ход Времени. Миры, цивилизации и одушевленные формы жизни непрерывно возникают и рушатся. Та форма, которую они принимают, зависит от их действий и, соответственно, от сознаний тех, кто им предшествовал. Круг цивилизаций и Миров.

Одно из индейских племен представляло время как поле, через которое идет человек. Это представление было интереснее, так как оно, по крайней мере, было двухмерным! Человек мог выбирать куда идти – прямо или свернуть. Но и это в полной мере не отражало действительность. Время – сложная для понимания структура, и чтобы лучше его понять, ну или еще больше запутаться, давайте проведем эксперимент.

С этими словами Агафья Тихоновна достала из-за спины парту с уже стоящим на ней и включенным компьютером и, попросив меня сесть за стол, объяснила условия:

– Вы сидите за компьютером и щелкаете мышкой по пустому месту на экране. На каждый Ваш щелчок экран отзывается вспышкой света на месте, по которому вы щелкнули, это понятно?

Я молча кивнул головой стараясь не пропустить ни слова.

– Теперь немного изменим условия – установим задержку так, чтобы вспышка света происходила позже щелчка, скажем, на 0.1 секунды, – акула ловко орудовала плавниками, нажимая кнопки на клавиатуре, – сделано! Ваш мозг привыкает к этой задержке – он понимает, что сенсорные ощущения от действия приходят несколько позже чем должны. Мозг начинает

подстраиваться, и вам кажется, что нажатие кнопки и вспышка происходит одновременно. Пробуйте! – Агафья Тихоновна пододвинула ко мне клавиатуру.

Все происходило точь в точь как она описала. Агафья Тихоновна, убедившись, что мой мозг уже подстроился под новые условия, снова придвинула клавиатуру к себе.

– Теперь уберем задержку. Что мы наблюдаем? Какое-то время вам будет казаться что вспышка происходит ДО ТОГО, как Вы нажали на кнопку. Понимаете? До того как ваш мозг снова установит свои правила и подгонит объективную реальность под свое восприятие – вам кажется что вспышка света появляется на экране компьютера в аккурат за 0.1 секунду до того как вы туда нажали! Человеческий разум не позволяет понять непостижимое. А то, что мозг не может объяснить и осознать – интерпретируется по своему, и реальность заменяется «индивидуальным видением». Она ускользает от нас. Человек не в состоянии противостоять этому, как не в состоянии противостоять себе самому, и каждый отдельный экземпляр человека или животного получает свою отдельную шкалу со своим отдельно стоящим и существующим Временем. Так можем ли мы считать Время реальным?

Агафья Тихоновна смотрела на меня таким взглядом, словно думала что я могу ответить на поставленный вопрос. Но я молчал, как ученик, который уже знает правильный ответ, но все еще сомневается и ждет какую-то подсказку чтобы убедиться в своей правоте. Акула, немного погодя, продолжала:

– Если кому-то приходилось попадать в стрессовую ситуацию, например, в аварию, то этот кто-то мог испытать странное ощущение, что все происходит как бы в замедленном действии. Но в отличие от наркотического дурмана, этот кто-то смог бы живо припомнить малейшую деталь. Это пример искажения Времени памятью. Во время крайне напряженных ситуаций в мозгу включается аварийный центр и множество воспоминаний о происходящем событии очень плотно укладывается в голове. Вот почему кажется что все происходит так долго. В каждый момент времени мозг обрабатывает и синхронизирует огромное количество информации, и, если он не успевает, то сознательно растягивает Время. Так реально ли оно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.